

Терри Сальвини
Хрустальные
маски

Terry Salvini

Хрустальные Маски

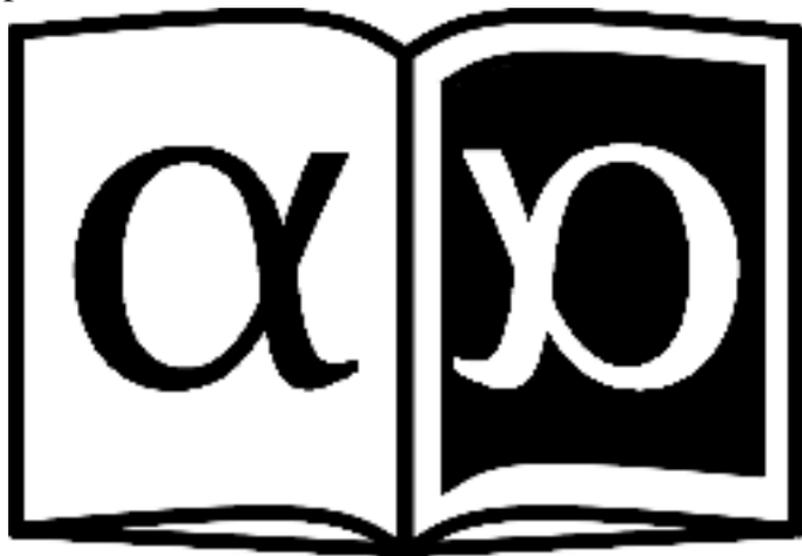
Аннотация

Ночь любви и страсти всё смешала в жизни и в работе прекрасной Лорелей – молодой женщины-адвоката из Нью-Йорка, которая занимается щекотливым и на первый взгляд совершенно ясным судебным делом. Чтобы докопаться до истины, Лорелей решает проникнуть в сомнительные круги, где ей откроется обратная сторона собственного характера. Вокруг главной героини вращаются остальные действующие лица: бывший возлюбленный, семья, друзья, коллеги, а главное Сонни, пианист и композитор, которого всё ещё не отпускает прошлое. Одни из персонажей остаются верными самим себе до конца, другие прячут свои лики за хрустальными масками, которые в конечном счёте разобьются о быстро бегущую, неотступную череду событий.

Содержание

Пролог	6
1	12
2	25
3	37
4	49
5	67
6	82
7	92
8	106
9	116
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Терри Сальвини
Хрустальные маски
Перевод Татьяны Кузнецовой
Опубликовано Tektime
Хрустальные маски
Терри Сальвини

© 2019 Издательство Апорема

www.aporema.com

Познаешь на собственной шкуре, что в жизни каждоднев-
но встречаются миллионы масок
и очень мало лиц.
(Луиджи Пиранделло)

Никто не способен носить личину подолгу.

(Сенека)

Моим бывшим мужьям

Моим дочерям

Моему спутнику жизни

Пролог

Лорелей пробудилась от тяжкого сна, вся в поту, челюсти свело, в висках больно стучало. Она потёрла лоб, стараясь понять, отчего ей так плохо, но сознание ни в какую не хотело помогать.

Она долго моргала, прежде чем открыть глаза. Вокруг – полная тьма; лишь раздражающий свет маленькой лампочки индикатора разрезал темноту: как всегда, Джон раньше меня забыл выключить свет.

Лорелей фыркнула, повернулась к Джону и приготовилась двинуть ему локтем в спину, но внезапное сомнение заставило её замереть. Она снова уставилась на красный индикатор: он горел не напротив кровати, где должен был быть!

«Это не телевизора индикатор», – подумалось ей.

Она с трудом силилась разобрать в комнате хоть что-то знакомое, и когда глаза привыкли к темноте, Лорелей удалось различить очертания стоявшей вокруг мебели: ничто не показалось ей знакомым.

Она не у себя в спальне!

Рядом кто-то вздохнул погромче, почти прохрипел; кровать закачалась, и Лорелей поняла, что жених только что повернулся к ней. От него шибануло сильным запахом алкоголя: выпил он, должно быть, порядочно. Да и сама она, наверное, тожехватила лишка, догадалась Лорелей в следующее

мгновение.

Она тихонько выбралась из-под простыни, но не удержалась на ногах и вынуждена была присесть на край кровати. К головной боли прибавилась тошнота.

Прежде чем подняться снова, она посидела несколько долгих секунд. Только когда убедилась, что твёрдо держится на ногах, Лорелей заковыляла к индикатору, полагая, что там нашарит выключатель. Нажала несколько раз. Свет не включился.

В голову ей закралось ещё одно сомнение.

Она вернулась к кровати и протянула руку к мужчине, который, на первый взгляд, крепко спал тяжёлым сном; стараясь не разбудить, она слегка коснулась, провела ему по волосам и по лицу, попыталась разобрать черты.

Вдруг отдернула руку, сердце у неё мгновенно замерло, а потом забухало с неслыханной быстротой.

С кем это она оказалась в постели?

«Надо срочно уходить», – решила Лорелей.

Куда одежду бросила?

Под простыней нашарила трусики и лифчик.

Через нескончаемую минуту отыскала брошенное у кровати платье и чопорно лежавшую в кресле сумочку: одна только сумочка лежала там, где должна была лежать.

Лорелей вытянула перед собой руки, добрела наугад до двери ванной и включила свет. Лицо, которое отразилось в зеркале, заставило её вздрогнуть: голубые глаза обведены

чёрным оттого, что тушь для ресниц расплылась, а под глазами мешки, лицо побледнело так, что обескураживало.

Лорелей вздохнула: она уже много лет не видела себя в таком состоянии.

Обвела глазами баночки и флаконы на полке рядом с умывальником, белоснежные полотенца на держателях и два непорочно чистых банных халата, висевших каждый на своём крючке. Это подтвердило, что она находится в гостиничном номере; но как сюда попала, Лорелей не помнила, хоть убей.

Крохотной расчёсочкой для постояльцев растеребила, как смогла длинные белокурые волосы, умылась и посмотрела в окно. На улице ещё не рассвело, за окном не видно ни зги, даже луна не светится в небе, тогда Лорелей вытащила из сумочки мобильник: четыре часа десять минут.

Пронзительным писком телефон сообщил, что садится батарейка. Лорелей спешно убавила звук и включила определение местоположения. На карте появилась точка в нижнем квартале Манхэттена, около Центрального парка. «От дома недалеко», – облегчённо подумала она, через секунду телефон глухо прожужжал и выключился.

Она снова положила его в сумку рядом с маленьким круглым серебряным футляром: футляром для пилюль. Пристально посмотрела на футляр, будто в нём лежит что-то такое, что помогло бы Лорелей вновь обрести трезвость мысли и необходимое душевное равновесие. Как на спаситель-

ный якорь, взгляд на который может прервать все неприятные ощущения. Она потянулась было за футляром, но передумала. Может это ещё и из-за своей слабыхарактерности, что она оказалась в таком дурацком положении.

Лорелей захлопнула сумочку; пускай футляр лежит, где лежит.

Обернулась, и как только взгляд её упал на оставленное на табуретке элегантное платье, в голове сразу возник образ молодожёнов, поднимающих бокалы за будущую совместную жизнь.

Она попыталась вспомнить ещё что-нибудь, но бросила попытки: не время раздумывать. Лорелей спешно оделась и вышла из ванной.

Туфли, чёрт подери!

В темноте она долго искала туфли, пока не запнулась о свои лодочки. Зажала себе рот, чуть было не вылетевшее проклятие вернулось в исходную точку. Лорелей затаила дыхание, натужно прислушалась: мужчина не прекращал храпеть.

Лорелей опять задышала.

Она украдкой на босую ногу выскользнула из номера. Только когда заскочила в лифт, надела туфли. Спустилась к стойке администратора и попросила вызвать такси.

На улице ночное небо начинало сереть хмурыми тучами, воздух потяжелел от влаги, дорога тоже намокла, машин проходило пока немного; скоро, через пару часов, улицы за-

полонятся мириадами машин и людей, которые как одержимые будут спешить на работу.

Тем утром Лорелей тоже надо было исполнять свой долг, несмотря на тошноту, на головную боль и на потрёпанный вид: карьера с отсутствием на рабочем месте не сочеталась.

Через горстку минут подъехало такси. Нетвёрдыми шагами Лорелей дошагала до дверцы, которую тем временем открыл для неё шофёр, но, подходя к машине, она поскользнулась на лужице. Чтобы не грохнуться на тротуар, Лорелей ухватилась за таксиста, тот поддержал её за локоть.

Ну нет. Хватит падать в объятия незнакомцев! – сказала она себе и высвободилась от руки шофёра.

Тот отступил на шаг.

— Я хотел всего лишь помочь вам сесть в машину...

Лорелей задержала на нём взгляд: при свете уличного фонаря она увидела пухловатые щёки и оживлённое выражение лица.

— Сама сяду, спасибо, – недружелюбно ответила она.

Пока таксист устраивался за рулём, она, неуверенно передвигая ногами, забралась на заднее сидение.

— Куда ехать, девушка?

Лорелей дала адрес, и, сморщившись от боли, провела рукой себе по затылку.

— Вам нездоровится? Если хотите, могу отвезти в больницу.

— Нет, не надо в больницу. Пройдёт...

— Немножко перебрали вчера, да?!

Она фыркнула:

— Не ваше дело, по-моему.

— Ну ладно, только постарайтесь не наблевать на сидение, а то мне придётся взыскать дополнительную плату...

Лорелей поморщилась в зеркальце заднего видения.

— Не наблюдаю. У меня только страшно болит голова: посплю пару часов, выпью чашку кофе и буду как новенькая.

— Надеюсь, что новенькой вы выглядели гораздо лучше, чем теперь, – сыронизировал таксист и издал что-то вроде с трудом подавленного смешка.

— Да пошёл ты к чёрту!

Если отделаюсь благополучно, клянусь, что никогда больше такого не повторится.

1

Лорелей поднялась со стула у себя в кабинете и подошла к окну. Она устала сидеть за письменным столом, перелистывать кодексы и барабанить по клавишам компьютера, тем более что скоро надо будет ехать в суд.

Хотя туч было не видно, чувствовалось, что вскоре пойдёт дождь; настроение у неё тоже посерело, как небо в прошедшие два дня, серость она ненавидела, серость вселяла в неё тоску.

Она долго стояла и смотрела на большие голубенькие стёкла выстроенного напротив небоскрёба, неотвязно думала о том, что случилось с ней прошлой ночью. Пыталась восстановить последовательность событий, но воспоминания у неё в голове походили на старую обшарпанную негодную киноплёнку, на которой кадры пробегают стремительно и застревают все время на одном и том же месте.

Она отлично помнила свадебную церемонию брата, обед в ресторане в одной гостинице в Манхэттене, музыку и тосты, их было также много, как мужчин, которые подъезжали к ней с ухаживаниями; вспоминалось множество лиц, которых она никогда раньше не видела, и столь же много тех, которые она давно хорошо знала. Среди знакомых образов всплывал, в частности, один, в последние часы он не отступал, и Лорелей опасалась, что принадлежит лик мужчине, с

которым она ушла из ресторана и поднялась в номер.

Сильно надеюсь, что это не он!

Она все ещё стояла и пристально разглядывала свой кабинет, который отражался в стёклах высившегося напротив небоскрёба, когда шум у неё за спиной прервал ход мыслей.

— Лорелей, ты все ещё здесь?

Она обернулась на Саймона Килмера, белизна его кожи сочеталась с белизной редких волос на голове.

— Извини, я задумалась кое о чем. Уже иду.

Она отошла от окна и вернулась к стоявшему в углу кабинета столу взять свои записи. Лорелей зацепилась за папку с документами, папка в свою очередь задела пенал с ручками, и он упал. Ручки вывалились сначала на столешницу из красного дерева, а потом покатались на мраморный пол.

— Что с тобой сегодня? – спросил Саймон. – Нервничашь из-за слушания по делу Десмонд? Мне очень жаль, но на заседание суда пойти тебе придётся, – строго сказал он. – Это самое меньшее, что ты можешь сделать, чтобы я забыл, что ты не хотела браться за это дело. Я тебя чуть не уво...

— Да причём здесь слушание! – прервала его Лорелей, она присела на корточки подобрать ручки и карандаши. Подняла на секунду голову и опередила следующий вопрос: – Не волнуйся, мои проблемы касаются только моей личной жизни. А теперь, будь добр, ни о чем меня больше не спрашивай.

Она поставила на место пенал, молча сняла очки и запихнула их в портфель.

Килмер пощупал тёмное пятнышко у себя на лице – едва заметную родинку под поседевшей бородой:

— Я вовсе не собирался вмешиваться в твою личную жизнь. Но в чем бы ни была проблема, постарайся снова стать посмекалистее и поэнергичнее: ты какая-то рассеянная и вроде как устала. На вечеринках много сил уходит... – он улыбнулся, словно давал понять, что догадался в чем дело.

Лорелей не ответила на провокацию и тоже постаралась улыбнуться. Сколь бы ни был Килмер человеком проницательным, он наверняка не мог точно угадать, что с ней произошло вчера вечером.

— Сделаю, как советуешь.

— Давай, беги теперь, а то придёшь, когда все уже расходиться будут. И очень прошу: сообщи мне, чем кончится слушание. Я от тебя хочу услышать, а не от Итана, поняла?

— А у меня что, есть другой выход? Прекрасно знаю, что иначе ты мне как-нибудь отплатишь, – ответила она и вышла из кабинета.

Лорелей остановила такси, на работе она всегда ездила на такси.

— Довезите меня до Сентер-стрит номер 100, как можно быстрее, пожалуйста, – сказала она молодому таксисту с азиатскими чертами лица и гладко зачёсанными волосами.

Через пару километров послышался странный хлопок, такси завиляло, парень за рулём встревожился.

Что такое случилось? – подумала Лорелей.

Проклинаая невезуху, таксист свернул к тротуару, прикидывая, где бы остановиться, но прежде, чем приглядел подходящее место, несколько минут ушло впустую. Таксист открыл дверцу, вылез из машины, обошёл её, тщательно проверяя колеса.

— И все-то у меня сикось-накось нынче утром! – вырвалось у него, он раздражённо махнул рукой. – Шину проколлол, только этого не хватало!

Господи! Вот именно, только этого не хватало! – подумала Лорелей и тоже вылезла из такси.

— Сколько надо времени поменять колесо?

— Не меньше четверти часа, девушка.

— Не могу я ждать четверть часа! – на последнем слогe она почти завизжала.

— Очень сожалею, но я что сделаю; сами видите, – ответил таксист, указывая на почти спущенное переднее колесо. Лорелей хлопнула дверцей.

— Так, скажите, сколько я вам должна. И побыстрее, пожалуйста.

— Да бросьте; сдаётся, что денёк у меня сегодня не из самых удачных.

— У меня тоже...

Она вытащила из кошелька десять долларов и протянула таксисту, парень, тем временем, открыл багажник и вытащил инструменты и запасное колесо. Он улыбкой поблагодарил Лорелей и решительно засунул банкноту в карман.

Лорелей зашагала по тротуару, дошла до пересечения с главной улицей и оглядела вереницу машин всевозможных марок и расцветок, которые мчались мимо неё. Когда увидела такси, подняла руку, сигналивая водителю остановиться, но такси проехало, даже не сбавив ход.

Она увидела ещё одно такси, и в надежде замахала ещё сильнее, но и это такси пронеслось мимо. Попыталась остановить ещё одно: ни в какую! Проклятые жёлтые легковушки ехали своей дорогой, не обращая на Лорелей никакого внимания.

Да что же, ни одного свободного такси нет?

Она замаячила ещё одному таксисту, размахивая руками так энергично, что самой смешно стало: и этот проехал! Лорелей вздохнула и вернулась к азиату, менявшему колесо.

— Послушайте, вам сколько времени ещё понадобится?

— Ещё пару минут, девушка, – ответил он, затягивая один из болтов на колесе.

— Ладно. Давайте так, – она вытащила из портфеля ещё несколько банкнот. – Если довезёте меня до здания суда раньше одиннадцати, считайте, что вам выпал один из самых удачных дней.

Парень замер, разглядывая щедрую плату пассажирки, потом заорудовал гаечным ключам с бóльшим рвением. Две минуты спустя он уже опять сидел за рулём, а Лорелей на заднем сидении считала бежавшие секунды, уставившись в дисплей мобильного телефона.

Из-за большого движения в Адской кухне такси поневоле стало замедлять ход, а потом и вовсе почти остановилось. Продвигалось со скоростью пешехода. Непрестанными гудками водители сигналили всё своё раздражение.

— Нет какой-нибудь развязки выехать из этого столпотворения? – спросила Лорелей.

— Сожалею, девушка. Будь она, думаете, я бы не свернул?

— У меня рабочее место на карту поставлено!

— Да вы знаете, сколько тут пассажиров садится, и у каждого своя история. Одни сядут и почти не шевелятся, всю дорогу молчком, будто меня и нету вовсе; другие нервничают так... будто их поджаривают на сиденье. И болтают напропалую так же, как вы.

Лорелей подметила в зеркальце заднего видения, что таксист улыбается; она тоже вымученно улыбнулась и заработала едкий ответ:

— И только одно у всех одинаково, – продолжил парень. – Все страшно торопятся доехать до места.

Лорелей глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

— Я уже извинилась, что ещё могу сделать?

— Ничего! Сидячим мумиям предпочитаю таких пассажиров как вы, девушка.

На это раз Лорелей улыбнулась увереннее. *Ещё бы, я тебе вон сколько денег отвалила!* – подумала она, откинувшись на подголовник. Неотступная боль сзади в шее немного утихла, давая Лорелей сосредоточиться на работе, но не прошла.

Может, это как раз тот случай, когда стоит принять болеутоляющее: врач несколько раз повторил, что пить таблетку надо, когда болит ещё не слишком сильно, и удваивать дозу только в крайнем случае. Но из-за упрямства и перегрузок на работе Лорелей пила лекарство как придётся; и вот результат – через пару лет ей приходится выпивать по две таблетки.

Лорелей вытащила из портфеля маленькую серебряную коробочку, взяла одну таблетку и захлопнула крышечку; взгляд её задержался на двух буквах Л, выгравированных на коробочке сверкающей позолотой: в своё время инициалы означали *Лоренц Леманн*, так звали её деда; а сегодня это *Лорелей Леманн*.

Как и опасалась, в суд она опоздала. Довезти её раньше одиннадцати таксист не сумел, но она всё равно оставила ему уже отданную сумму в виде возмещения за то, что парню пришлось терпеть её взвинченные нервы.

Лорелей взбежала по широкой мраморной лестнице, которая вела к входной двери, в надежде, что застанет хотя бы вынесение приговора. К счастью, она знала куда идти, и не пришлось терять времени и выспрашивать, где заседает суд; в огромном здании суда, если не знаешь его на отлично, заблудиться легко.

Но не успела она войти в зал, как поняла, что приговор по делу Десмонд уже вынесли: дверь была распахнута, и из зала выходили люди.

Чёрт подери, опоздала! Лорелей сжала руку в кулак и уда-

рила по невидимой поверхности.

Она остановилась в двери и поспешно оглядела зал: через жалюзи на окнах проникал неяркий свет, но его хватало, чтобы разглядеть на лицах ещё не отступившую напряжённость; присутствовавшие на слушании люди и присяжные поднимались с мест, вставала и судья Сандерс, субтильная пожилая женщина, она вышла через дверь в глубине зала.

Лорелей вошла, слышался возрастающий гомон, она пошла искать коллегу Итана Морриса. Увидела, что он всё ещё стоит около подсудимой Лин Сорайи Десмонд.

Итан словно почувствовал, что подходит Лорелей, он повернул голову и натянуто улыбнулся. В следующий миг обернулась и Лин, её глаза восточного разреза зло сощурились.

— Этим не кончится, Леманн! – крикнула она. – Рано или поздно я тебе заплачу!

Пока двое полицейских в форме уводили её, она взглянула на стоявшего неподалёку и смотревшего на неё брюнета.

— Мой отец не забудет тебя, и не забудет того, что ты мне сделал... Никогда!

— Я тоже не забуду, Лин! Уж будь уверена, – твёрдо и решительно ответил мужчина.

Лорелей с любопытством взглянула на объект – а точнее, на субъекта – такого злобно выпада, и едва узнала этого типа, оцепенела, смотрела на него, будто впала в транс. В голове у неё опять побежали кадры старой плёнки, на этот раз отчётливые, пробегали непрерывно.

О, господи! Это он!

— Что с тобой? Это из-за слов моей подзащитной? – подходя, спросил Итан.

Лорелей расстегнула приталенный синий жакет, в этот момент она из-за него дышать не могла; глубоко вдохнула, пока грудь не расширилась, и лёгкие наполнились воздухом.

— Да нет. Я просто немного устала.

Адвокат улыбнулся и кивнул:

— Представляю себе, что вчера ты своего рода подвиг совершила.

— Да. И теперь встретиться с этой женщиной... – Лорелей глянула на дверь, из которой только что вышла Лин. – Ну... приятного, конечно, мало. А к тому же, я не успела приехать вовремя.

— Не волнуйся. Я не скажу Килмеру, что ты опоздала, ни ему, ни Саре. Если пойдёшь со мной на обед, расскажу всё, что говорили на заседании на случай, если он тебе устроит допрос с пристрастием, будешь знать, что отвечать.

— Спасибо. Но знай, что я не специально опоздала: такси шину прокололо.

— Килмер не поверит, но я знаю тебя лучше него. Давай пойдём обедать: только это удовольствие и осталось.

На выходе подошёл и перехватил их брюнэт, который только что обменялся резкостями с подсудимой; Лорелей сжала ручку портфеля так, что ногтями почти впиалась в ладонь.

— Адвокат Моррис, поздравляю с отлично проведённой защитой, но рад, что для победы этого оказалось недостаточно, — сказал подошедший и тут же улыбнулся, Лорелей тактично отступила на шаг.

— Понимаю вас, господин Маршалл, — Итан как будто почувствовал себя неловко.

— Желаю всего хорошего, господин адвокат, — продолжил собеседник и перевёл взгляд на Лорелей. — Привет, Лори, — и долго не сводил глаз, будто хотел сказать ей что-то, но пока не знал что.

Лорелей страшно разволновалась, не знала, что и думать; она открыла рот, собираясь поздороваться в свою очередь, но не смогла произнести ни слова.

Брюнет улыбнулся ей, хотя глаза цвета, напоминавшего янтарь, смотрели серьёзно.

— В следующий раз хотелось бы встретиться подальше от зала суда, — договорил он. Повернулся и ушёл.

— Ты чего, Лорелей? Даже не поздоровалась с ним.

— Извини... сама не знаю, что со мной стряслось.

Итан покачал головой, в глазах читалось недоумение.

— Ну ладно, пошли: я сегодня даже не позавтракал из-за напряжёнки, теперь всё кончилось, и голод зовёт.

***

Прошла неделя, Лорелей успокоилась и не слишком задумывалась о неприятности, которую она натворила. В редкие минуты, когда она об этом вспоминала, чаще когда ле-

жала в постели одна, то гнала от себя воспоминания, брала какую-нибудь книгу и читала, пока глаза не покраснеют от усталости, тогда мигом засыпала; или смотрела разные документальные фильмы по телевизору. Всё, что угодно, лишь бы отвлечься и думать о чём-нибудь другом.

Ей почти не запомнились часы страстной любви, которые она провела со случайным любовником, но зато начинала припоминать, что произошло до того, как она поднялась в номер с женщиной.

Она сидела за столом в большом ресторане вместе с другими приглашёнными на свадьбу и пощипывала кусочек свадебного торта, когда *мужчина*, держа в одной руке бокал с шампанским, а в другой стул, уселся рядом с другом Стивом прямо напротив неё.

— Все, кто сидит за этим столом, отыскали себе пару: даже Ханс и Эстер сумели. Только я остался, — сказал он и за этими словами отпил глоток шампанского, будто хотел поздравить себя самого.

— Советую тебе оставаться неженатиком ещё надолго, — пошутил в ответ Стив.

— Вот и я то же самое себе советую, знаешь ли? Каждый день, чтобы твёрдо запомнилось. На следующие несколько лет — никаких любовных обещаний: с меня хватит!

Лорелей почувствовала себя немного неловко и уставилась в тарелку, она поняла, что мужчина всё ещё томится по Эстер. Эстер же, казалось, была очень счастлива тому, кого

выбрала себе в мужья. Мужчина целый день ничем не выдал горечи, но к вечеру от шампанского, должно быть, утратил бдительность.

— Вообще-то за нашим столом не только ты без пары... или я не в счёт? – поправила его Люси, блондинка с роскошными бёдрами и пышной грудью. – Но в отличие от тебя я иду своей дорогой, несмотря ни на что... – она подчеркнула интонацией последние четыре слова, словно хотела дать понять на что или, точнее, на *кого* намекает этим «несмотря ни на что».

— Да уж представляю себе, я в этом никогда не сомневался! – сыронизировал в ответ мужчина.

Люси разочарованно скривилась:

— Всё лучше, чем плакаться в жилетку!

Лорелей с трудом подавила смешок. Люси доставляло удовольствие кольнуть его каждый раз, как выдавался случай, и он старался ответить ей тем же, но надо сказать, что вообще-то был не из тех, кто относится к женщинам непочтительно. Отчего-то Люси всё время превращала обмен репликами с ним в перепалку. Это уже вошло в привычку, только так они и могли разговаривать, вплоть до того, что, если бы они помирились, Лорелей удивилась бы и, может, несколько разочаровалась.

Когда Люси ушла из-за стола и бросилась танцевать, мужчина переключил внимание на Лорелей; она составила ему компанию за парой *after dinner*, забыв, что сразу за спиртными

ми напитками болеутоляющее принимать не надо.

В последние суматошные дни, когда она помогала Эстер готовиться к свадьбе и обсуждала с шефом дело Десмонд, боль под затылком не отпускала. Но гвоздичку в петличке ей преподнесли за два дня до свадьбы: возлюбленный позвонил из Лос-Анжелеса и сказал как ни в чём не бывало, что на свадьбу пойти с ней не сможет. Она закатила сцену, голова вконец разболелась, и ей несколько раз пришлось пить таблетки.

В голове оставался ещё один совершенно пустой пробел: с минуты, когда молодожёны под громкие радостные пожелания счастья ушли из ресторана, до того, как она проснулась посреди ночи в гостиничном номере на одном из верхних этажей. В этом пробеле высвечивались лишь вспышки: вот она голая обвилась вокруг загорелого мужчины, а он своим весом прижал её к простыне и ласкает, и целует.

И опять ничего не помнится, абсолютно.

И опять он, переворачивается на спину и увлекает её за собой, а она садится на него верхом. Ей вспоминались его кошачьи глаза, говорившие о неутолимой любви, и лукавая улыбка на губах, которая звала отдаться всем невыразимым желаниям.

И снова пробел, а после – сконфуженное пробуждение... и позорная действительность.

2

Что будет, когда Джон вернётся домой? Прямо-таки надо сознаваться ему в чём-то таком, что сама Лорелей не знала, как именно произошло. Быть искренней любой ценой необходимо, чтобы они продолжали жить вместе как можно лучше?

Вопросы мучили Лорелей, даже когда она вела машину в дорожном потоке Манхэттена. Эти вопросы заставляли сомневаться, чего раньше не было, расшатывали остатки её убеждений. В конце концов, ей всего двадцать восемь лет, и в семейных взаимоотношениях опыта у неё немного, и нет уверенности, что она находит правильные ответы.

Из раздумий её вырвал звонок телефона. Лорелей нажала кнопку на приборной доске и включила громкую связь.

— Привет, Лорелей. Как жизнь?

— Давиде! – обрадовалась она. – Как я рада. Давненько не звонил.

— Да, верно, так ведь и сама могла позвонить.

— Да знаешь, мне было недосуг, и свадьба Ханса из меня все соки выжала. Да и желание выходить замуж в придачу, если Джон попросит руки когда-нибудь.

На другом конце провода хохотнули:

— Всё та же история про лису, что никак не дотянется до винограда...

— Да ну тебя, не смейся! Сам-то расскажешь что-нибудь?

— Да... есть кое-что.

— Не тяни!

— Дело серьёзное, и предпочитаю поговорить при встрече, если не возражаешь...

— Идёт, мне тоже хотелось бы посидеть поболтать с тобой.

— Если свободна, можем увидаться завтра после обеда у тебя дома.

— Давай в три?

— В три.

Лорелей выключила телефон и с грустью вспомнила тонкие черты лица и улыбку Давиде. Ей не хватало тех дней, когда они были парой, особенно во время учёбы в университете, и прекрасных беззаботных моментов, которые он дарил ей.

Ничто не вечно, и, как часто бывает, чем что-то дороже, тем оно недолговечнее.

Лорелей рывком нажала на тормоз и выругалась, вцепившись в руль: ехавшая впереди машина резко затормозила, и Лорелей чуть не врезалась ей в багажник.

Чёрт меня подери! Обычно она соблюдала расстояние безопасности. Она сколько-то постояла, перевела дух, и, как только слышала гудки остановившихся сзади машин, поехала дальше.

Всё-то все куда-то торопятся! Лорелей иногда вспоми-

нала с сожалением любимый Цюрих: такой там порядок, так спокойно. Так он не похож на бешеный, наэлектризованный Нью-Йорк.

По лобовому стеклу заморосил дождик. Лорелей фыркнула: забыла взять зонтик. И ведь знает, что в октябре погода переменчива.

***

На следующий день после обеда Лорелей надела простенькие джинсы, блузку в тон цветом и тканью и вышла из дома. На улице у подъезда её ждал друг Давиде.

Едва подошла, она бросилась ему на шею, обняла и долго не отпускала.

— Сколько радости! – отозвался он и тоже обнял её.

— Мы никогда так надолго не расставались, – стала оправдываться она, когда разжала объятия. – Ну, куда пойдём?

— Солнышко сегодня, можем прогуляться.

— Идёт!

Лорелей поправила сумку на плече и взяла Давиде за руку, но через несколько шагов остановилась.

— Не вздумай вытаскивать бумажник, – сказала она, подняв указательный палец. – Сегодня плачу я, договорились?

— Страшные расходы для таких как ты!

— На что намекаешь? – спросила она, уперев руки в боки.

– Ну, я жду.

— Твои родители... в общем, не в нужде живут.

— Богатые, так и скажи. Но ко мне это не имеет никакого

отношения.

— Знаю, Лорелей, не заводись, я же шучу.

— Давай не будем об этом, лучше расслабимся немножко.

Как бы ты ни решил провести время, мне всё годится.

Ничего выдающегося Давиде делать не собирался. Они оставили машину на стоянке и пошли погулять в Корона-парк. Осенним днём в парке народу было немного; деревья и лужайки окутала приглушавшая звуки тишина и редкое марево. Под наполовину опавшими кронами лежал многоцветный ковёр из листьев и, несмотря на семейки ещё не увядших цветов от ярко-жёлтых до фиолетовых, напоминал о томном, тоскливом очаровании осени.

Для прогулки Лорелей и Давиде могли выбрать и Центральный парк, он просторнее и ближе к дому Лорелей, а не ехать через весь *бóро* Квинс, но она знала, что Давиде не любит слишком обширных пространств и людных мест. По правде говоря, ему не нравится бывать и там, где распоряжается богатство, а прежде всего те, кто за этим богатством стоит, думала Лорелей, шагая рядом с Давиде. Из его друзей только она была человеком состоятельным.

Когда ноги начали побаливать от усталости, Лорелей с Давиде присели на бордюр вокруг *Унисферы* – огромного стального монумента, изображающего земной шар. Лорелей рассказала про свадьбу брата и про то, что случилось с ней ночью, но имени мужчины, с которым оказалась в постели, не назвала: пока что не готова была назвать имя даже другу.

Давиде как будто понял её и выспрашивать не стал, но на лбу у него залегла морщинка, которой до этого не было.

— Знаю, что думаешь, – сказала Лорелей, глядя ему в небесно-голубые глаза, которые словно укоряли её. – Я сама готова себя отхлестать по щекам. Джонни не заслужил от меня такой подлости, и не знаю, как из этого выпутаться и не ранить его.

— Никак не решишь, говорить ему или нет, верно?

— Боюсь, что он не простит. И никак не наберусь храбрости... – она на секунду отвела глаза.

— Если он знает тебя так же хорошо, как я, поймёт, что на трезвую голову ты ни за что бы не переспала с тем типом.

— Легко тебе говорить!

Во взгляде Давиде проскользнула досада.

— Это всегда нелегко. Думаешь мне легко было признаться тебе в измене? Я страшно боялся потерять тебя навсегда, в том числе как подругу. Но ты поняла меня...

— Мне всё равно было больно, хотя я сильно не подавала вида. Я потом много лет про парней и знать не хотела: мне важно было только учиться и заниматься фигурным катанием.

Он вздохнул:

— Много воды утекло, но вижу, что и тебе горестно, когда вспоминаем об этом.

Лорелей тряхнула головой:

— Прости, Давиде... – она провела рукой ему по щеке. –

Я горюю не из-за прошлого, а из-за настоящего.

— Я только что сказал, что об этом думаю.

— Взвешу, обещаю, – завершила она и закончила разговор на эту щекотливую тему.

Лучше поговорить о чём-нибудь другом.

Она взглянула на него так, будто только теперь вспомнила о чём-то важном.

— Кстати, о признаниях: ты ещё не сказал, что за новость упомянул по телефону, – Лорелей уселась поудобнее. – Слушаю и обещаю, что не пропущу ни слова.

Давиде успокоился и улыбнулся.

Подсел поближе, помолчал несколько секунд и выдохнул хорошую новость:

— Через столько лет... и столько поисков, думаю, что я нашёл себе родственную душу. Может, через несколько месяцев станем жить вместе.

Лорелей распахнула глаза:

— О, господи, да ты не знаешь, как я рада! – она возбуждённо захлопала в ладоши и обняла его. – А как зовут?

— Зовут Андреа, мы познакомились в лечебнице: эта родственная душа привела ко мне свою собаку.

— Я так рада, знаешь, правда!!

— Спасибо! А мне немножко страшно.

— Я знаю, как себя чувствуют, особенно в начале.

— Вот я и пришёл поговорить с тобой. Хочу знать, как у тебя всё было с Джоном. Как ты себя чувствовала.

— Ну... могу сказать, что поначалу было как-то неловко, я не знала, как себя вести. Боялась, что буду докучать ему, что бы я ни сделала. Надо было держаться спокойно, относиться с пониманием и шире смотреть на вещи, чтобы принять и то, как привык поступать и думать он. Бывало, мне хотелось то надавать ему пощёчин, то обнять. Днём раньше благодарила небеса, что встретила его, а на следующий день хотела бы, чтобы мы никогда не встречались. Тебе много раз покажется, что такая жизнь не для тебя, и пожалеешь, что потерял свободу, но уверяю, что потом всё наладится.

— Так вот что ты чувствовала к Джону? – удивлённо прервал её Давиде.

— Клянусь, что я нисколько не жалею, – но пока отвечала, подумала, что если она и вправду не жалеет, то почему же не может учесть того, что только что сказала другу, и этим ободрить и саму себя.

— Этого мне достаточно, – Давиде весело рассмеялся и взял её руки в свои. – И у тебя всё устроится, вот увидишь; *надо просто очень захотеть*, верно?

— Ну и ... же ты.

Он накрыл ей рот ладонью:

— Эй-эй-эй... нельзя такие слова говорить, – улыбнулся он. – А теперь лучше пойдём выпьем чего-нибудь.

Они взяли по прохладному напитку, пробежались по Музею науки и техники и решили, что настало время найти какой-нибудь спокойный ресторанчик поужинать. Солнце тем

временем уступало место луне, и вскоре на небе взошёл пятнистый лучезарно-серый диск, краем прятывшийся за облаками.

Лорелей и Давиде насытились лёгким ужином: всего из двух блюд и маленькой порции чизкейка с фруктами. К счастью, температура опустилась не настолько, чтобы отказаться от прогулки по Манхэттену, и только когда и впрямь устали, они увидели, что давно перевалило за полночь. Лорелей почувствовала себя виноватой оттого, что так надолго задержала Давиде, и пригласила переночевать к себе домой: ей было приятно побыть в нём ещё немного.

***

Лорелей ещё нежилась в постели, когда почувствовала руку у себя на плече. Она повернулась и приподняла веки: ожидала, что увидит лицо Давиде, но глаза, в которые взглянула, оказались слишком темными: это не друг на неё смотрел, у него-то глаза голубые.

— Джонни! – она приподнялась на локтях. – Ты когда приехал?

— Я вчера вечером послал тебе эсэмэску: не прочитала?

— Извини, я не видела.

— Слишком занята другими делами? Я в гостиной с Давиде столкнулся. Он уходил.

— Мы вчера вместе провели вечер, стало поздно, и я пригласила его к нам, – она уселась на кровати. – Пойду попрощаюсь с ним.

— Не ходи, – он остановил её, положив руки на плечи. – Он просил, чтобы я попрощался за него. Он торопился.

Лорелей собралась возразить, но Джон склонился к ней и заткнул ей рот долгим поцелуем. Тогда Лорелей обняла любимого за шею и тоже ответила поцелуем.

Когда она увидела, как Джон спешно стаскивает с себя рубашку и брюки, она одним махом сбросила ночнушку, и Джону предстало нежное белокожее тело.

— Я раздевался под душ залезть, но теперь... – сказал он.

Лорелей окинула его взглядом: волосы всклокочены, измождённое лицо, будто он силится снова овладеть своими чувствами. Карие глаза словно зовут её решиться поскорее. Лорелей почувствовала, как губы сами расплылись в лукавой улыбке, а руки потянулись к нему, ухватили на воротничок уже расстёгнутой рубашки и притянули к груди.

Сегодня утром завтрака точно не будет, а, может, и обеда тоже, но её это не волновало – теперь ей нужен только любимый мужчина.

Лорелей подождала, пока Джон уснёт и выскользнула из-под простыни. Натянула черную атласную комбинацию, взяла мобильник и пошла в гостиную. Села на диван и набрала номер.

— Алё, Лорелей! – как всегда весёлый голос Давиде.

— Прости за сегодняшнее...

— Да ничего. Я обалдел, когда увидел, что он заходит, как-то не по себе стало, да и ему в общем, и я решил скорее

ретироваться. Жаль только, что не успел попрощаться с тобой.

— Мне тоже жаль. И я всё ещё не знаю, как поступить...

— Мы уже говорили вчера. Я уверен, что поступишь правильно.

Лорелей же несколько не была в этом уверена.

— Обещай, что приедешь снова, как только сможешь.

— Обещаю. Может и ты могла бы приехать сюда ко мне.

— Подумаю, клянусь.

— Ловлю на слове. Значит, скоро увидимся.

— Приятного воскресенья, Давиде.

Не успела Лорелей отключить звонок, как вошёл Джон в сером спортивном костюме.

— Уже встал? – Лорелей думала, что он спит. – Как там родня?

— Неплохо. Мама, как всегда, прихварывает, но ничего страшного.

— А дочка? Наверное, прыгала от радости, когда увидела тебя.

Он улыбнулся и кивнул.

— Мне хотелось бы, чтобы ты когда-нибудь взял и меня с собой, познакомил с ними.

Джон мигом посерьёзней.

— Пойду пробежусь, если не возражаешь.

Лорелей глянула на него разочарованно, но не подала виду.

— Нет, иди. Ещё и на пробежку есть силы? – спросила она, удивившись, сколько в нём энергии.

Он опять улыбнулся:

— Конечно.

— Когда вернёшься, перекусим чем-нибудь, и, если не свалишься от разрыва сердца, можем пойти прогуляться.

— Если готовить будешь ты, то я, скорее всего, свалюсь от пищевого отравления, и никуда мы не пойдём.

Лорелей схватила подушку с дивана и запустила в него.

Джон увернулся от подушки и вышел.

Оставшись одна, Лорелей прошла на кухню и захлопотала у плиты, хотя и так знала, что результат не приведёт Джона в восторг.

С Джоном она познакомилась, когда была практиканткой. Он дружил с Итаном, и Итан представил его, сказав, что это старый друг. Доброжелательное лицо, карие глаза, вежливые, но в то же время напористые манеры сразу покорили Лорелей; но познакомиться с ним поближе возможности не было до тех пор, пока она не встретила его снова как-то раз после полудня на стоянке около адвокатской конторы.

Лорелей пыталась завести машину, но машина никак не хотела заводиться. Попробовав раз-другой, но без пользы, Лорелей разозлилась и вылезла из машины, матерясь почти что как мужик. И тут она увидела Джона: он стоял и весело разглядывал её, скрестив руки и опираясь на багажник.

Недолго думая, Лорелей спросила, собирается ли он по-

мочь или так и будет стоять наслаждаться зрелищем. Джон протянул руку, дав понять, что просит ключ. Она взглянула ему прямо в глаза и довольно нехотно протянула связку ключей.

Пара минут – и мотор зарычал.

— Чем отдам долг? – облегчённо спросила Лорелей.

— Можешь переписать на моё имя свой банковский счёт,
– ответил он, вылезая из машины.

— Или?

Он взглянул на неё так, как смотрит человек, который знает, что уже победил.

— Или пойдём поужинаем вместе сегодня вечером.

С этого момента они стали парой.

3

Итан почти бегом прошёл мимо, словно торопился убежать из конторы.

— Эй, Лорелей!

Она перелистывала дело, задержалась и взглянула на него поверх очков в голубой оправе. Через руку Итан перекинул чёрный тренч, в руке держал шляпу, с которой не расставался – это означало, что он идёт в суд или к какому-нибудь подзащитному.

— Тебя шеф вызывает, – сказал он, на лице появилось сострадание.

— Что, подвох намечается?

— Я и сам не знаю, но когда сказал позвать тебя, он как-то странно улыбался...

— Значит, ничего хорошего меня не ждёт; на сколько спорим?

— Я ставлю, только когда рассчитываю выиграть точно. Ну, я побежал. Ни пуха, ни пера, – с этими словами он подмигнул и исчез за дверью.

Лорелей вздохнула. Вот сейчас Килмер подсунет ей большую свинью, думала она, подходя к кабинету шефа рядом со своим.

Вошла и увидела Килмера: в тёмно-сером костюме, сидит за письменным столом. Килмер скривился в полуулыб-

ке, больше похожей на оскал, и протянул Лорелей папку с документами, она взяла папку, не сводя с Килмера глаз.

Лорелей читала скучные записи, напечатанные на листках, и её брало зло, но читала дальше, стараясь казаться невозмутимой. Она уже узнала из новостей про вчерашнее убийство недалеко от дома, где жили её родители, и поразились жестокости, думала об убийстве с отвращением. Родителей жертвы она знала в лицо: семья предпринимателей на пенсии, у них была единственная дочь. Хватало одной мысли, что придётся защищать человека, который отнял дочь у стариков, от этого у Лорелей сводило желудок.

Шеф смотрел на неё строго и пристально, будто вызывал на поединок.

— А почему именно я должна этим заниматься?

— Итан занимается другим делом, а Патрик на больничном. А кроме того тип, который позвонил нам и доверил дело, попросил именно тебя; видимо, предпочитает женщин, — Килмер усмехнулся, но тут же опять посерьёзnel. — Очень жаль...

Врёшь, не жаль тебе!

Килмер откинулся на высокую спинку черного кожаного кресла, спинка под его весом закрипела.

— Если понадобится помощь, не робей, спрашивай у меня, — дружески продолжил он, но Лорелей сразу показалось, что шеф кривит душой.

И не подумая! — мелькнуло у Лорелей. Она захлопнула

папку и крепко сжала в руках.

— Если закончишь до закрытия конторы, заскочи ко мне, подведём итоги.

Заскочить к тебе?! Ещё чего! Она постарается закончить после закрытия, подумала Лорелей и согласно кивнула головой.

— Шевелись: твой новый подзащитный ждёт.

Натянуто улыбаясь так же, как улыбался Килмер, когда Лорелей входила, она вышла из кабинета: плечи расправлены, шаг уверенный, как ни в чём не бывало; но ей сильно хотелось напинать шефу под жирный зад.

***

Защищать человека, которого, по её мнению, защитить невозможно, никогда не входило в планы Лорелей, и она не считала такую защиту лучшим способом продвинуться по службе, так что никак не могла переварить доверенное ей дело. Ей хотелось отказаться, но почва у неё под ногами и так стала зыбкой, когда Лорелей воздержалась от защиты Лин Сорайи Десмонд, и отказываться снова она не могла. Килмер стал бы метать гром и молнии и ухватил бы на лету возможность выбросить её из конторы. Она всегда чувствовала, что он относится к ней несколько неприязненно, но в последнее время ожесточился ещё пуще.

Шеф претендовал, чтобы она выкладывалась с большей отдачей, больше, чем требовал от Итана. Лорелей подозревала, что это потому, что она с рождения оказалась в при-

вилегированном положении: молодая женщина, которой при желании стоит лишь попросить. Килмеру же, чтобы добиться определенного положения, пришлось попотеть и скопить приличный счёт в банке, пахая как вол тридцать лет.

Поэтому днём раньше Лорелей пришлось принять неблагодарное дело, и оно не давало ей заснуть до поздней ночи.

Какую выискать зацепку, чтобы её подзащитный не провёл остаток своих дней в тюрьме? Тридцатилетний мужчина дома избил до полусмерти сожительницу и бросил её тут же умирать на полу, а сам пошёл разгуливать как ни в чём не бывало. Сколько ещё таких дел будет слушаться в залах судов? Не Лорелей судить, но как выстроить хорошую защиту, основываясь и на взаимном доверии с подзащитным, если она сама не чувствует никакого сопереживания к этому субъекту, никакого сочувствия.

Иногда она спрашивала себя, может, ошиблась, и надо было не на уголовных делах специализироваться. Может, это ей не подходит, и надо было заняться гражданским правом; или, может, просто пошла полоса неуверенности, столкновения с собственной работой. Кто знает...

Но Лорелей понимала, что, чтобы стать хорошим адвокатом, ей надо сделаться потвёрже.

В кабинете для допросов подзащитный заявил, что вклеил сожительнице только пару оплеух и вовсе не убил её. Перед уходом он видел, как женщина в слезах поднесла руки к щекам. Она была жива и злилась.

Но убийца, который объявляет себя невиновным, вовсе не новость.

Официант поставил на стол заказанный Лорелей кофе, и она мысленно опять вернулась к делу: на газетной странице напечатали про убийство статью. Приводились имена обвиняемого и адвоката защиты – её имя.

Что за злобное извращение толкнуло человека избить до смерти женщину, которую он, якобы, любил? Или претендовать, чтобы она неотвязно оставалась при нём, когда женщина только и хотела, что освободиться от мучителя?

Про подобные случаи Лорелей наслушалась досыта, а есть наверняка и такие, про которые ещё никто не знает, потому что женщины часто терпят молча: большинство из страха, но бывает оттого, что привыкли безмолвно подчиняться. Лорелей вспомнилась одна университетская подруга, которая спаслась лишь потому, что вовремя заявила на своего парня, а потом обратилась к психологу и освободилась от чувства зависимости.

До каких пор жертва может считаться только жертвой, а не соучастником, потому что молчанием соглашается терпеть жестокость? К счастью, времена меняются, но недостаточно быстро. Пока нет.

Лорелей с досадой перевернула пару страниц и замерла, едва увидела заметку с фотографией высокого брюнета, выходившего из театра под ручку с рыжеволосой красоткой.

У Лорелей задрожали руки. Опять он!

С тех пор как мужчина чуть не умер от руки бывшей жены, его известность скакнула далеко вперёд, и про него узнали и те, кто до этого его ни разу не видел.

Коротенькую заметку Лорелей читать не стала; свернула газету и бросила на пустовавший соседний стул. *Пошёл он к чёрту, этот тип!*

Ей невыносимо захотелось расслабиться, а единственное, что могло отвлечь от работы – так это катание на льду. Да, можно, а почему бы нет? В этом месяце она ещё ни разу не сходила.

Лорелей допила кофе, расплатилась и остановила такси, чтобы доехать до дома и взять коньки и костюм. Она попросила таксиста подождать у подъезда, и не больше, чем за час доехала до Челси-Пирс в Гудзон-Ривер-парк.

Когда-то давно как раз здесь она впервые надела коньки. Тот день она отлично помнила, потому что в первый раз испытала, что значит упасть и, несмотря на страх, найти силы подняться.

Она с первого взгляда влюбилась в фигурное катание и стала отличной фигуристкой. Даже победила на нескольких соревнованиях местного значения, но, когда поступила в университет, тренировки пришлось сократить, а потом из-за несчастного случая она вынуждена была уйти из профессионального спорта. Начать кататься вновь оказалось нелегко, сковывал страх, что она снова упадёт и расшибётся; прежде чем вернуться на лёд, потребовалось много месяцев.

Но в этом сражении она победила.

Лорелей надела черный облегающий костюм из эластичной водоотталкивающей ткани и начала завязывать на крючки крест-накрест шнурки. Она ещё не закончила скучную, но важную процедуру обувания, как зазвонил рабочий телефон.

Лорелей несколько не хотелось отвечать, она не бросилась доставать телефон из рюкзака, а несколько долгих секунд сидела и слушала «Танец с саблями» Хачатуряна. Она собралась было не отвечать вовсе, пусть звонит, пока не перестанет, но по новому делу требовалось, чтобы с ней могли созвониться весь день.

Лорелей взглянула на дисплей: незнакомый номер.

— Привет, Лорелей. Побеспокоил? Ты на работе?

— Нет, нет... – она попыталась понять, кому принадлежит этот мужской голос; не хотела опозориться, но так враз по голосу никто из знакомых в голову не приходил.

— Если у тебя есть свободный часик, мне хотелось бы поговорить с тобой. В последний раз, когда мы виделись, возможности не было.

— Вообще-то я занята и... – у неё перехватило дух. – Сонни?!

Она произнесла имя, выдохнув весь воздух, сколько было в лёгких.

— Извини, я рассчитывал, что ты узнала меня.

— Мы никогда не созванивались, у тебя как будто

немножко другой голос.

На секунду – растерянное молчание, потом он снова заговорил:

— Может, мне не надо было звонить.

— Да нет! Просто ты застал меня врасплох. Я сейчас на катке в Челси-Пирс, – она ни разу не давала ему своего номера. Ах да, ведь он звонит по рабочему телефону, а этот номер можно найти и в интернете.

— Ты одна или с кем-то?

— Нет, одна, – ответила она и сразу пожалела. Если не хочет встречаться с этим человеком, надо было сказать совсем другое.

— Тогда я могу подъехать, если ты не против. Я не так далеко от Челси: могу приехать через двадцать минут.

Лорелей на секунду задумалась. Рано или поздно придётся встретиться: лучше сбросить гору с плеч сразу и объясниться про ту ночь, и снова зажить всегдашней жизнью.

— Тебе придётся взять на прокат коньки: я выхожу на лёд, – если не умеет кататься на коньках, смотреть, как он передвигается еле-еле и падает, будет весело.

— Это я понял. Скоро подъеду.

Лорелей вышла из раздевалки – волосы собраны в хвост, на коньках пластмассовые чехлы – и зашлёпала к корту.

Она отметила, что лёд только что восстановили и довольно улыбнулась, но надеялась, что народа будет меньше, а главное, меньше детей, так как из-за них она страшно бес-

покоилась. Тогда она упала именно потому, что попыталась увернуться и не налететь на мальчонка. Заработала черепно-мозговую травму и травму шейных позвонков, отчего у неё снизилось чувство ориентации, и, хотя она давно поправилась, сзади в шее до сих пор побаливало.

Лорелей сняла чехлы и сколько-то минут легко скользила по сверкающему льду, отдавшись ритму мелодии. Из-под коньков тянуло холодком и обволакивало всё тело, но ей прохлада казалась приятным объятием, то электризовала, то расслабляла.

Она прокаталась несколько кругов, чтобы размяться, попробовала подсечку и самые простые элементы, и только когда почувствовала себя уверенно, стала отрабатывать прыжки: сначала тренировочные, потом зубцовые флип и лутц, и наконец попыталась исполнить двойной аксель, вышло так себе, и она не стала пробовать второй раз. Лорелей закончила винтом и волчком средней сложности.

Из боязни упасть более вычурные фигуры пробовать не стала.

Послышались ноты медленной, нежной мелодии, будто хотели приласкать её. Лорелей оттолкнулась, нагнулась вперёд, подняла ногу чуть выше уровня головы, расправила руки на ширине плеч и полетела в ласточке. Лорелей подняла голову, и тело её заскользило на льду решительно и в то же время изящно.

Прохладный ветерок мягко гладил по лицу и приподни-

мал длинный белокурый хвост волос. Она закрыла глаза, и её обуяли сладостные ощущения, будто она летит в никуда, в бесконечный покой.

Но вдруг она почувствовала, что вокруг неё люди, и она рискует столкнуться с ними, Лорелей вмиг распахнула глаза. Она ощутила, как её руки, всё ещё разрезавшей воздух, коснулась чья-то чужая рука. Лорелей обернулась, распрямилась и поставила ногу на лёд.

— А-а... пришёл!

— Не хотел прерывать тебя, – сказал Сонни, представ перед ней, как по волшебству. Одет в тёплую куртку, на шее шарф, на голове шерстяная шапочка, он катился рядом с ней, стараясь не отстать.

Лорелей замедлила шаг.

— Не извиняйся, это мне не надо бы вертеть пируэты, когда так много народу.

Обычно она ходила на каток в определенные часы, когда знала, что посетителей будет очень немного, но сегодня не придержалась разумной предусмотрительности.

Мимо неё, почти задев, стрелой пролетел мальчишка, Лорелей вильнула в другую сторону и приблизилась к Сонни, он жестом защитника положил ей на плечо руку.

— Давай не будем тут стоять, а то нас сшибут, – сказал он, окинув взглядом каток.

— Я предпочитаю вообще не стоять... – миг – Лорелей с силой оттолкнулась и укатила от него на противоположную

сторону корта, где за большими стёклами открывался прекрасный вид с близкого расстояния на реку Гудзон и на мол, на котором стоял спортивный центр.

Сонни смотрел как она лавирует, обгоняя катавшихся, которые попадались ей на пути. Он прекрасно мог бы догнать Лорелей в считанные секунды, но решил не бегать за ней. Ясно, что она пытается отложить момент, когда им придётся объясниться, и Сонни не хотел здорово нажимать на неё.

Что он ей скажет? Что ему жаль, что они позанимались любовью? И она поверит? Он и сам себе не верил. Пусть даже не помнил тютелька в тютельку, в каких именно позах они этим занимались, он знал, что никогда раньше не давал волю своим самым животным желаниям так, как в ту ночь; может, потому что был выпивши, но теперь это нисколько неважно. Его больше беспокоило совсем другое.

Из всех баб, что были на свадьбе, прямо-таки сестру Ханса надо было в постель тащить!

Он выпил, да, но не столько, чтобы не понимать, что за женщину поволок к себе в номер. Зачем именно её-то? Если Ханс узнает, он не поверит, что так уж вышло; нет, заявит, что Сонни это специально сделал.

Сонни пожал плечами. *Ну и чёрт с ним!*

Лорелей – взрослая женщина. Она была согласна, пьяная, но согласна, и даже приняла активное участие. Никто не сможет осудить его, и зря он себе проблемы создаёт, тем более что из номера она улизнула втихаря, даже не подождала, по-

ка он проснётся, ни словом с ним не обмолвилась.

Тем утром он с трудом припомнил всё, что случилось; поначалу вздохнул с облегчением, что девчонка испарилась: не придётся извиняться и выслушивать объяснения, но потом подумал, что пока они не поговорят, всегда останется что-то недоговорённое.

Он отодвинулся к борту катка, подождал, когда она подьедет, и расплылся в самой очаровательной улыбке.

— Сколько лет занимаешься фигурным катанием? — спросил он.

— Начала в пять лет, но потом в первый год университета бросила. Захаживаю сюда развлечься и поразмяться. Вредно сидеть часами в конторе или в суде. А к тому же, мне очень нравится кататься на коньках. А тебе?

— Я играл в хоккей, когда был ещё почти мальчишкой. Но давно забросил и занялся музыкой.

— По тебе не скажешь.

— Наверное, это так же, как кататься на велосипеде: долго не едешь, потом сядешь на велик, и кажется, что буквально вчера последний раз слез. А сейчас будет лучше, если мы пойдём поговорить куда-нибудь в другое место; может, выпьем что-нибудь здесь в баре.

4

Лорелей взвалила на плечо рюкзак и пошла к выходу из спортивного центра, где, насколько она знала, будет ждать её Сонни. Она наскоро освежилась и распустила волосы.

Прошла по коридору, вернула ключ от шкафчика регистраторше и вышла в просторный вестибюль, где царили большей частью жёлтый, синий и красный цвета. И застыла на месте.

К Сонни приставали две девицы, просили поставить автограф на коньках. Одна деваха домогалась сфоткать себяшку вместе с ним. Кто-то узнал его и без знаменитого хвостика внизу на затылке, хоть Сонни и натянул шерстяную шапочку, а бородку прикрыл шарфом. Когда Лорелей сказала ему приехать на каток, она не учла, что после недавнего дела фотографии Сонни напечатали со многих журналах и газетах.

Только этого не хватало!

Если она выйдет с катка вместе с ним, есть опасность, что какой-нибудь любопытный почитатель их запечатлеет, и на следующий день её фото появится в социальных сетях, и будут недвусмысленно намекать на возможную любовную связь.

Лорелей на секунду призадумалась; и решила убраться восвояси, смешалась с кучкой посетителей, шедших к выходу. Прежде чем закрыть за собой наружную стеклянную

дверь, она обернулась на Сонни, он стоял с фломастером в руке, которым ставил автографы, и растерянно смотрел на неё.

Брюнетка рядом с ним окликнула его и указала, в каком месте на коньке расписываться, но Сонни не обратил внимания: он не сводил глаз с Лорелей.

Она едва заметно мотнула головой.

Развела руками и прошептала: *Мне очень жаль, Сонни!* – шевельнув губами самую малость. *Увидимся в другой раз.* Лорелей поскорее вышла и замедлила шаг, только когда отошла от красно-голубого спортзала на приличное расстояние.

Она зашагала вдоль мола и прошлась по парку Гудзон-Ривер, хотя погода для прогулок не особо подходила: небо затянуло плотными грозowymi тучами, намечался ливень. Воздух уже потяжелел от влаги, но Лорелей не заботилась, что промокнет.

Она ещё не пришла в себя от встречи с Сонни. Повторяла, что надо забыть о том, что произошло между ними и жить, как жила раньше, но забыть не могла.

Как бы то ни было, она слишком дорожила Джонни, чтобы рисковать потерять его из-за глупой выходки по пьянке; надо принять меры, пока не поздно. Но что можно сделать?

Лорелей присела на скамейку дать ногам отдохнуть. Она улыбнулась и тряхнула головой: Сонни уж точно будет держаться от неё подальше после того, как она сбежала с катка. Готовность объясниться она изъявила, но дело обернулось

так, что время для объяснений ещё не пришло.

Когда Лорелей переступила порог дома, было шесть, в квартире стояла полная тишина. На диване с овальным приставным пуфом, где обычно по вечерам устраивался Джонни, подушки всё ещё лежали нетронутыми. Лорелей громко окликнула любимого. Не получив ответа, она пошла посмотреть, ни сидит ли он за работой у себя в кабинете: каждый раз, когда Джонни запирался у себя, он отгораживался от всего мира. Лорелей включила свет, но все предметы лежали там же, куда она их положила сегодня утром, даже брошенная толстовка висела там же на подлокотнике кресла. В спальне тоже никого не было.

Ещё не вернулся.

Она подобрала с пола пару черных носков Джонни и бросила в корзину для грязного белья: привычка разбрасывать носки по всей комнате у него никогда не пройдёт.

Лорелей надела фартук и пошла на кухню пытаться приготовить ужин, достойный назваться ужином. Вытащила из холодильника рыбу и почистила под проточной водой, чтобы чешуя не разлеталась по кухне, этому научила её домработница Майра, на конец недели она уехала к родственникам. Лорелей решила воспользоваться отсутствием Майры и провести вечер один на один с Джонни, как они вечеряли вдвоём, когда только начали жить вместе. Лорелей почистила картошку, мелко порезала и выложила на противень вместе с рыбой в надежде, что не превратиться в кашу и не сго-

рит.

Поставила противень в духовку, наскоро вымылась под душем, надела кружевные трусики и комбинацию, чулки на резинках, влезла в короткое синее платье со скошенным низом. Собрала передние волосы на затылке и закрепила красивой заколкой. Наконец немого подкрасилась.

Заботливо накрыла стол, в середину поставила маленькую стеклянную вазочку с зажжённой свечой.

Время шло, Джонни словно испарился. Лорелей терпеливо ждала. Ужин остывал, свеча наполовину сгорела.

В восемь на мобильник пришла эсэмэска:

Не жди меня, поужинаю в ресторане с Итаном.

Она вздохнула: обычно Джонни уходил посидеть с Итаном после ужина, чтобы «не потерять друга», как он говорил, когда оправдывался, что идёт к Итану один. Надеюсь, что сегодняшняя неожиданность не станет привычкой. Даже не подумал позвонить, чтобы зря не готовила, а он знал, как неохотно она встаёт к плите.

Делать нечего, придётся садиться за стол одной. Её охватило разочарование: хоть раз она вроде бы приготовила приличное блюдо, а Джонни нет, и похвалить её некому.

Тратить напрасно время и убирать со стола она не стала: сгребла остатки рыбы и картошки в пластмассовую коробочку, поставила в холодильник и пошла спать. Лорелей страшно устала, надо выспаться ещё за предыдущую ночь, которую она прокорпела над делом Уолласа.

Наутро она увидела рядом в кровати храпевшего Джонни: он всегда храпел, если накануне вечером выпивал лишка. Странно, что она не услышала, как он зашёл.

Неизвестно в котором часу вернулся!

Лорелей взглянула на часы: половина десятого. Она откинула одеяло, Джонни что-то глухо проворчал и отвернулся от неё: по субботам он не работал и, если хотел, мог спать, сколько угодно.

Лорелей накинула толстый атласный халат, заколола волосы, сполоснула лицо и прошла на кухню. Этим утром она передвигалась еле-еле, будто не совсем проснулась. А ведь ночью отоспалась вволю, даже слишком. Чтобы окончательно проснуться, требовалась приличная чашка кофе.

Едва Лорелей наклонила кофеварку над чашкой, как ощутила, что за спиной кто-то стоит.

Она обернулась и увидела Джонни: коротко стриженный чуб у него топорщился, глаза покраснели, под глазами налились круги – значит ночью не спал.

— Плесни и мне немножко, – попросил он и почесал щетинистый подбородок.

— Я думала, ты позже встанешь.

Он проямлил что-то неразборчивое, Лорелей не стала переспрашивать. Джон, бывало, просыпался в отвратительном настроении, так вышло, наверное, и сегодня, потому что он не только не улыбнулся, но даже не поцеловал её, как обычно, в щёчку в виде *доброго утра*.

Джонни выпил кофе стоя, и почти бросил чашку на стол.

— Что есть будешь? – удивлённо спросила Лорелей.

— Не хочу я есть.

— Так скажешь, что тебя сегодня взяло? – спросила она, скрестив руки на груди и загородив ему дорогу.

— Да, на работе.

— Могу я знать?

— Знаю, что не отвяжешься, пока не скажу, – он почесал шею. – Поручили работать над одним проектом, а для этого мне надо бы поехать посмотреть место самому.

— И в чём загвоздка?

В горле у него булькнуло что-то похожее на ехидную усмешку.

— В чём загвоздка... – едко повторил он. – Загвоздка в том, что место находится в Париже.

Лорелей встревожилась, глянула на него.

— В Париже? Уж не скажешь ли ты, что опять уезжаешь!

— Точно не знаю, но очень вероятно, что ехать придётся.

А у меня нет никакого желания никуда ехать, я только что вернулся.

— И когда будешь знать точно?

— Не позднее среды. Если рассчитываю верно, то придётся поехать в конце следующей недели.

— Ты сколько дней назад вернулся из Калифорнии? И трех недель не прошло... и опять уезжаешь!

— Лос-Анжелес никакого отношения к работе не имеет,

сама знаешь. Меня и так уже всё это достало, не приставай ещё и ты вдобавок!

Лорелей постаралась взять себя в руки.

— Надену спортивный костюм, пойду пробежусь: мне надо расслабиться, – заявил он, уже выходя из кухни.

— А я пока что-нибудь приготовлю: есть хочется, может, и ты проголодаешься после пробежки.

Джонни прошагал в спальню, а Лорелей сосредоточилась на готовке завтрака. Как панкейки пекут? Ах, да: яйца, мука, сахар... и что-то ещё. Чёрт подери: никак не вспомнится! Она взяла мобильник, набрала в интернете «панкейк» и через минуту нашла рецепт. Пробежалась глазами и принялась за дело.

Пока поджаривала хлеб, услышала, как зазвонил её личный телефон. Выключила тостер и побежала к телефону. Голос звонившего она сразу узнала и подпрыгнула от радости.

— Привет, красавица. Заждалась меня?

— Ханс, ну как дела? Ты где? – Лорелей присела на табурет в кухне около столешницы.

— Хорошо, не волнуйся. Мы с Эстер вернулись домой.

— Правда? Давно пора было!

Лорелей представила себе, как брат улыбается.

— Не завидуй...

— Я не завидую. А Эстер где?

— Тут, рядом, здороваётся с тобой.

— И от меня поздоровайся. Как я рада, что вы снова в

городе.

— А мы не слишком радуемся, но ничего, сойдёт. Я почему звоню: мама хочет, чтобы мы пришли к ней на обед завтра. Ей будет приятно повидать нас всех вместе.

— Если тебе годится, мне труда не составит: поговорю с Джонни и сообщу тебе.

— Надеюсь, завтра увидимся.

— Я тоже надеюсь. Пока!

Ещё не положив телефон, Лорелей стала думать, как сказать о приглашении Джонни. По субботам ему нравилось кататься на мотоцикле, а по воскресеньям ходить на футбол. За два года жизни под одной крышей визиты Джона к её родителям можно было сосчитать на пальцах одной руки, хотя жили они близко: дома Лорелей и её родителей отделяла только короткая сторона Центрального парка. Уломать Джона принять приглашение будет очень трудно.

Как она и предполагала, чтобы убедить Джона пойти с ней, Лорелей понадобились все дипломатические способности и адвокатская тактика. Она нажала тем, что Ханс с Эстер огорчились, что он не пришёл на свадьбу, и чтобы восполнить отсутствие, ему как минимум, следует пойти на обед, который устраивают родители в честь возвращения молодожёнов.

— Хочешь свалить вину за то, что от меня не зависело?

— Я всего лишь советую, как поступить, чтобы не оскорбить чувств моих родных.

Джон фыркнул и вскочил из-за стола.

— Так и быть! Но делаю это только для тебя, — сказал он, ткнув в неё пальцем. — Тебе повезло, что на этой неделе Джайентс не играют...

Лорелей подпрыгнула к нему, бросилась на шею и обняла, потом подняла у него за плечами указательный и средний палец буквой «v»: *Ура!*

— Спасибо! Проси, что хочешь, и я исполню твоё желание.

***

На следующий день ровно в девять Лорелей сидела позади Джона, крепко обхватив его за талию, на многолитражном мотоцикле, они летели по нью-йоркским улицам: в этот воскресный час вдали от Манхэттена машин на дорогах было немного.

«Проси, что хочешь, и я исполню твоё желание», — сказала она ему накануне: могла бы и сама догадаться, что он предложит прокатиться на мотоцикле, это было ещё одним увлечением Джона после футбола. Кроме того, Джон знал, как Лорелей терпеть не может эту двухколёсную штуку; она подзревала, что он воспользовался случаем и вынудил её поехать с ним на мотоцикле в качестве ответного *одолжения*.

Лорелей ненавидела шлем интеграл, от шлема у неё волосы прилипали к голове и к шее, и портилась причёска. Порой Лорелей казалось, что задыхается, и она ёрзала в седле и раскачивала мотоцикл. Хотя Джонни посоветовал ей во вре-

мя поворотов следовать телом за движениями мотоцикла, а не противодействовать, давалось это Лорелей нелегко.

Прошло почти три часа, прежде чем пытка мотоциклом закончилась. Когда Лорелей снова встала ногами на твёрдую почву, ей показалось, что её приподнимает над землёй.

До полудня оставалось десять минут. Лорелей взбежала в квартиру скорее принять душ, здорово прихорашиваться не стала: натянула тёплые джинсы, серо-голубой свитерок и замшевые ботинки.

Джон поднялся домой, когда она уже была готова выходить. Он переоделся в считанные минуты: они и так опаздывали. Снял только куртку, надел другую, поэлегантнее, и переобулся.

На машине Лорелей они срезали по парку и выехали с противоположной стороны в манхэттенский Ист-Сайд.

Дверь им открыл Ханс.

Лорелей обняла его:

— Привет, братище!

— Эй, не так уж долго меня и не было! – отметил он и дал себя обнять.

— Ну, чего рассюскались? – заворчал Альберт, отец Лорелей. – И так опоздали, а я проголодался. Знаешь, что я терпеть не могу ждать кого-то к столу.

— Это из-за меня. Я возил Лорелей покататься на мотоцикле, и мы припозднились, – вмешался Джон.

— Что? – казалось, что Альберт вне себя от злости. – Да

ты как посмел возить мою дочурку на своей адской штуковине? – он фыркнул. Его рослая фигура возвышалась над Джоном, и незадачливый мотоциклист по сравнению с отцом казался тростиночкой.

Лорелей воздела глаза к небу.

— Джонни, отец ненавидит мотоциклы гораздо больше, чем ненавижу я.

— Переняла же ты от кого-то, – шепнул он, недовольно поморщившись. – Я вёл очень осторожно и ехал медленно, – отговорился Джон.

Эллен Леманн подошла к мужу.

— Всё-то ты ворчишь, – упрекнула она его, но он как будто не особо успокоился. – Давайте садитесь за стол, всё уже готово, – добавила Эллен, улыбнувшись гостям.

— Лорелей, как я рада тебя видеть, – сказала Эстер, сноха, и обняла её. – Садись рядом со мной.

Когда первоначальное недовольство улеглось, молодое поколение завязало весёлый и непринуждённый разговор, а старики, хозяева дома, больше ограничивались словами вежливости.

Лорелей время от времени переводила взгляд с матери на отца, она чувствовала, что между ними создалась натянутость, и у неё пропадал аппетит. Джонни же уплетал обед без всяких церемоний, он и дома так ел. Лорелей каждый раз старалась не отстать от него и после еды всегда ощущала тяжесть в желудке от переедания; но на этот раз немного

потыкала вилкой и отказалась от десерта.

И всё же желудок давал о себе знать. Несколько часов назад Лорелей даже затошнило. Может, от езды на мотоцикле.

Отобедав, все подняли бокалы за возвращение молодожёнов. Затренькал хрусталь, супруги, за которых пили, поцеловались.

— Я так рада за тебя, – сказала Лорелей, когда они со снойхой вышли на застеклённый большими окнами балкон: вокруг них балкон украшали вечнозелёные растения, которые вились до самого потолка. Мужчины уселись на диван в гостиной посмаковать крепкие напитки.

— Я тоже рада. Скоро придёт и твоё время, вот увидишь.

— Не то, чтобы я этого момента ждала с трепетом, уверяю тебя. В любом случае, Джон жениться не собирается; по крайней мере, не в скором времени!

— А кто говорит про Джона? Я имела в виду предполагаемого незнакомца.

— Эстер, да ну тебя!

— Ну, я же шучу! А всё-таки ты могла бы подыскать себе кого-нибудь более предрасположенного к браку, чем Джон.

— Я пока не собираюсь делать решительный шаг.

— Когда встретишь того, кто создан для тебя, сумеешь решиться так же, как решила я.

— Ну, раз ты уверена! Мне пока о карьере надо подумать; я всё ещё на испытании, – Лорелей охватывала тревога, когда она думала, что вдруг придётся создавать семью и заводить

детей до того, как устроится с работой.

— Кстати, как идут дела с тем типом, которого ты защищаешь? Я читала в газетах...

— Ну, мы разрабатываем версию защиты, чтобы ему сократили предполагаемый срок заключения. По фактам выходит, что это он, стало быть, ему дадут срок, но мне надо найти какую-нибудь зацепку, чтобы ему дали как можно меньше.

— Для этого хватило бы любовной сделки, – предположила сноха. – Или я ошибаюсь? Я это в каком-то фильме видела.

Лорелей улыбнулась.

— Он о сделке и слышать не хочет. Петеру Уолласу всё ещё никак не верится, что его Линдси умерла. Говорит, что он ей всего лишь надавал пощёчин и что, когда уходил, она была жива и здорова. Но факты не совпадают. Я разговаривала с ним только раз, чтобы узнать от него поточнее, но казалось, что бьюсь головой об стенку молчания и нежелания говорить.

— Нелегко тебе будет докопаться до правды, если он не собирается помогать.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, ты не против? Не хочется говорить о работе сегодня.

— Я несколько не против.

Эстер подняла глаза на кусочек неба, который виднелся над многоэтажными зданиями напротив балкона.

Сколько-то секунд они молчали, Лорелей засмотрелась на красивый профиль снохи: длинные черные волосы струятся по плечам, взглядом затерялась в облаках, о чём-то задумалась. Лорелей не знала, что ещё сказать, и бросила первую фразу, что пришла в голову:

— Тоскуешь по родному городу? – спросила она.

Эстер слегка вздрогнула:

— Да нет... то есть не знаю. Порой возникают образы, отрывки воспоминаний, но по городу не скучаю, не настолько, что хотела бы вернуться любой ценой. Тоскую, наоборот, по брату, хотя не очень хорошо его помню. – Эстер замолчала, накрутила прядь волос на указательный палец. – Очень хотелось бы повидаться, но не знаю, ни куда он уехал, ни что с ним случилось.

— Должен же быть где-то какой-нибудь след.

— Только записка, которую он написал Хансу, перед тем как исчезнуть, сказал, что оставляет меня на попечение Хансу.

Джек написал Хансу записку? – недоуменно мелькнуло у Лорелей.

Ханс никогда ей об этом не говорил. Лорелей так и не смогла понять, что заставило Джека так поспешно уехать, со дня его исчезновения прошло больше года.

— А давай займёмся чем-нибудь повеселее: пойдём в гостиную надоедать нашим мужчинам, – предложила Эстер.

***

Когда Лорелей вышла из тёплой конторы, холодный октябрьский воздух вырвал её из умственного притупления, в которое она погрузилась несколько часов назад: сегодня с утра Лорелей тошнило, она даже на обед не пошла. Скорее всего, скоро расхворается, может, это и есть признаки наступающего гриппа.

Лорелей подняла глаза: вечернее небо затянули грозные тучи, а облетевшие деревья казались иссохшими выростами земли, тянущимися вверх. Сильный ветер заставил её плотно запахнуть пальто и крепче завязать на шее шёлковый шарф. Зиму Лорелей не любила, разве что повеселишься на Рождество да покатаешься на коньках.

Лорелей подбежала к такси неподалёку, из которого выходил пассажир, и попросила довезти до дому. Как только она открыла дверь квартиры, унюхала аромат чего-то вкусного. Она сняла пальто и вместе с сумкой положила на диван, потом заглянула на кухню. Майра в неизменном синем халате и большом белом переднике накрывала на стол.

— Проголодалась? – обернувшись, спросила домработница, она смотрела на Лорелей: маленькие голубые глаза улыбались вместе с тонкими губами, растянувшимися в ниточку.

Лорелей хотела, чтобы домработница обращалась к ней на ты: Лорелей терпеть не могла условностей и расшаркиваний, они и в суде ей до чёртиков надоели.

— До вообще-то не очень. Джонни уже вернулся?

— Закрылся в кабинете. Ужин почти готов.

— Я сама позову Джона.

Чтобы оторвать Джонни от чертёжной доски, понадобилось довольно много времени, но потом он жадно съел большой бифштекс на гриле и столько овощей, что Лорелей хватило бы на два ужина.

Вдруг Лорелей недовольно сморщилась и отодвинула от себя тарелку: не понимала, отчего сегодня вид евшего до отвала Джонни ей так неприятен.

Она встала из-за стола, извинилась и пошла в ванную ополоснуться. Когда расслабилась под тёплой водой, навалились воспоминания, Лорелей не стала гнать их проч. Она долго блуждала мысленно в прошлом, когда училась в университете, вспомнила о Давиде, о первой встрече с Джонни и о своём будущем с ним. О долгих годах, которые она проведёт с ним вместе... Стать настоящей семьёй...

Что за чертовщина в голову лезет?!

Джонни ни разу не дал понять, что хочет создать с ней семью. Он уже однажды был женат, но через несколько лет сбежал от жены. В браке у них появилась дочь, о которой Джон упоминал нечасто, в отличие от других отцов, которые...

Череду мыслей прервал порыв кашля. Лорелей открыла рот, и вода попала в горло. Она постаралась откашляться, пока закрывала краник. Понадобилось несколько нескончаемых секунд, наконец, она задышала ровно.

Она прислонилась к выложенной кафелем стене, убрала с

лица мокрые волосы. Сегодня надо начинать принимать пилюли, а менструации не было. В чём дело?

Лорелей где-то читала, что, когда принимаешь определённые противозачаточные пилюли, бывает, что менструация постепенно становится менее обильной, а потом и вовсе сходит на нет. Да, наверное, так и есть.

А вдруг что-то не сработало? – подумала она, нервно выжимая волосы.

Сомнение так встревожило её, что она наскоро вытерлась и оделась. Сидеть и гадать до завтра она не могла, а то ночью глаз не сомкнёт.

Она набросила пальто, сказала Джону, что забыла купить всегдашнее болеутоляющее, и выскочила из дома.

За несколько минут дошла до ближайшей аптеки напротив дома. Зашла и попросила тест на беременность: глупо, что она так сильно беспокоится, но Лорелей знала, что погрешности случаются.

Когда вернулась домой, Джонни лежал на диване и смотрел футбольный матч; Лорелей воспользовалась случаем, закрылась в ванной, чтобы Джон не застал её врасплох, и разделась; но ничто не могло оторвать Джона от футбола, даже перспектива многочасового разнузданного совокупления.

Лорелей проделала всё, как было написано в инструкции, и стала ждать результата. Вообще-то, тест надо было проводить утром, но делая его вечером, самое большее, она рискует получить отрицательный результат, но никак не ложно-

положительный. Если что, она повторит тест завтра утром.

Сидя на табуретке, она вообразила, как может отреагировать Джонни, если результат окажется положительным. О браке они никогда не говорили, тем более о том, чтобы завести детей. Это станет очень болезненным ударом для обоих.

Лорелей взглянула на часы, потом на стрип-полоску...

Тест оказался положительным. Как она и опасалась.

«Как это, чёрт возьми, могло случиться? Где я ошиблась?» – думала Лорелей, заворачивая полоску в бумажный носовой платок, чтобы выбросить в мусор.

Просидела в ванной несколько долгих минут; вышла. Чувствовала себя так, будто ей влили сильную дозу успокоительного. В гостиную к Джонни она не пошла: не хотела рисковать, что он заметит в каком Лорелей состоянии; ей надо поразмышлять, прежде чем говорить с ним.

Лорелей прошла в спальню в противоположном конце квартиры. Сняла комбинацию и лифчик, вытащила из-под подушки пижаму и натянула на себя, двигалась она как заводная кукла. Лорелей заметила, что штаны надела наизнанку, ну и неважно, не стала переодевать.

Она услышала шаги и отвернулась от двери.

— Уже спать собралась? – спросил Джонни.

— Я страшно устала. Посплю, ты не против? – Лорелей сделал вид, что ищет что-то в ящике тумбочки, чтобы он не заметил, как она волнуется.

— Нет, не против... я лягу, как только футбол кончится, сейчас перерыв.

Лорелей услышала, как он подошёл, и сделала невозмутимый вид, какой делала в суде.

— Ладно, — взяла пакетик носовых платков, которые были ей совсем не нужны, и закрыла ящик.

Джон подошёл сзади и обнял её за талию:

— Ну ладно, спи, — сказал он. — Я сам выключу везде свет и опущу жалюзи.

Лорелей косо глянула на него.

— Чего так смотришь? — спросил он.

— Ты терпеть не можешь выключать свет и опускать жалюзи, всё время мне приходится.

Джон улыбнулся:

— Раз ты уже улеглась, а я собираюсь пойти посидеть в баре, сделаю над собой усилие.

— Пойдёшь с Итаном?

— Как всегда. Но не беспокойся, на этот раз вернусь не слишком поздно.

Он наспех поцеловал её в висок, отнял руки и вышел из спальни.

Лорелей забралась под одеяло, но уснуть сразу не смогла. Впервые она была довольна, что Джонни пошёл вечером в бар без неё. Она ещё не оправилась от того, что с ней произошло на свадьбе Ханса, как вдруг свалилось нечто такое, что превосходило её силы. Ни ей, ни Джону и в голову не приходило произвести на свет ребёнка, по крайней мере не сейчас.

***

Два дня спустя Лорелей всё ещё не решилась сказать Джо-

ну, что он станет отцом вторично. Не хотела делиться секретом, хотя в проблеске благоразумия пообещала себе, что скажет ему как можно скорее в надежде, что он воспримет это не слишком болезненно.

Лорелей никак не могла осознать, что, несмотря на надлежащие предосторожности, всё-таки забеременела. Дома она только об этом и думала, и лишь у себя в кабинете ей удавалось переключиться на другое: работа отвлекала её и давала немного перевести дух.

В среду утром Лорелей пошла со своим подзащитным Петером Уолласом в зал судебных заседаний.

Лорелей повидала много подсудимых: они нервничали, каялись, тревожились, испуганно вжимались в стул или даже сидели довольные собой, но никогда ей не случилось увидеть у подсудимого такого отрешённого выражения на лице. Её подзащитный вёл себя так, будто всё происходящее совершенно его не касается. Он сидел рядом с ней, вперив взгляд в пустоту, ни на что особо не смотрел, руки сложил так, как обычно складывают в церкви, а не в суде.

С судьёй Генри Пальмером Лорелей познакомилась, когда проходила практику, и стала ценить его за гуманность, которая всё же не проскальзывала из-за полуприкрытых век, тонких губ и всегда сжатых челюстей. Во время заседаний улыбался судья редко. На глаз с последнего раза, когда они встречались, судья потолстел по крайней мере килограммов на десять: теперь брюхо у него упиралось в край стола. Даже

мантия не помогла скрыть расплывшиеся телеса.

Судья поправил очки на носу и задал ожидаемый вопрос:

— Подсудимый признает себя виновным? – голос прозвучал громко и хриловато, будто у судьи совсем недавно болело горло.

Лорелей обернулась на Петера Уолласа, тот сидел не шевельнувшись. Лишь слегка дрогнула красиво обрисованная нижняя челюсть, давая понять, что обвиняемый жив.

— Не признает, ваша честь. Мой подзащитный судимостей не имеет, всегда вёл безупречный образ жизни, а деяние, в котором он обвиняется, надо ещё доказать. Улики против него основываются только на показаниях свидетеля, не заслуживающего доверия. Прошу освободить под залог.

— Государственный обвинитель... – дал слово судья.

— Судимостей у обвиняемого нет, это верно, но характер у него агрессивный, это он уже показал: при любом поступке всегда есть первый раз. Кроме того, существует опасность побега из штата, родственники могут помочь ему денежными средствами. Прошу требование защиты отклонить.

Судья сосредоточенно подумал и решил:

— Освобождение под залог отклоняется.

И сухим ударом молоточка закрыл заседание.

На этот раз подзащитный взглянул на Лорелей потухшими зелёными глазами.

— Мне очень жаль.

— Это не я убил. Знаю, что никто мне не верит; даже вы,

госпожа адвокат.

В его голосе не слышалось ни смирения, ни жалости к самому себе, но не слышалось и наглого вызова. Подзащитный убрал с глаз маленькую прядь рыжих волос, того рыжего цвета, какой встречается на картинах Тициана.

— До свидания, госпожа Леманн, – попрощался Уоллас за минуту до того, как подошли полицейские и вывели его из зала.

Лорелей тоже срочно уступила место: только что вошёл другой обвиняемый со своим адвокатом, они стали усаживаться на освобождённые стулья.

Едва вернулась домой, Лорелей повалилась на диван и даже туфель не сняла. Сегодня она работала столько же, сколько в остальные дни, но устала гораздо больше, чем обычно. Вевящий в доме запах дезодоранта показался ей гораздо сильнее, чем раньше. Лорелей поморщилась.

Чуть позднее, когда вернулся Джон, она махнула ему рукой в знак приветствия: слишком уж хорошо лежалось, чтобы вставать и идти ему навстречу.

— Всё нормально? – спросил он подходя. – Ты даже не переоделась.

— Я устала в последние дни, знаешь ли.

Джон снял куртку, бросил её на подлокотник дивана, стащил с Лорелей туфли и уселся рядом с ней.

— Тогда почему бы тебе не попросить выходной?

— Не могу.

Джонни нахмурился:

— Это из-за дела, которым занимаешься?

— Конечно.

— Если отдохнёшь в конце недели, для твоего подзащитного ничего не изменится, а тебе пойдёт только на пользу.

— Не знаю, насколько это будет вовремя...

— Даже если приглашу тебя поехать со мной в Париж на ближайшие выходные?

Лорелей распахнула глаза:

— Когда ты уезжаешь по работе, никогда не зовёшь меня с собой.

— Я знаю, что ты обожаешь Париж и что уже давно там не была. Что-то ты совсем осунулась, и мне это не нравится.

— А-а, тогда мне и впрямь стоит подумать, – сказала она, ласково убирая волосы у него со лба.

Джон улыбнулся:

— Всего лишь подумать?

Лорелей в спешке рассудила: рано или поздно ему надо будет сказать, и продолжать тянуть время нельзя, это только усугубит ситуацию. Может, Париж как раз подходящее место – и время – для подобных признаний.

— Так и быть. Раздумывать не буду: ответ – да, поеду с тобой.

— Вылетаем в пятницу на рассвете. И имею в виду не «так сказать». Поэтому договорись с шефом, попроси дать тебе выходные до понедельника. Париж не тут за углом.

Ей придётся попотеть, чтобы скормить Килмеру, что в пятницу её не будет.

Ну и пусть, её это не волнует, она имеет право взять выходной.

***

Париж! Другими словами – город влюблённых, и с незапамятных времён пристанище всех людей искусства, читала Лорелей в гостиничной брошюре.

Она положила брошюру обратно на тумбочку цвета слоновой кости. Неизвестно, поможет ли ей с Джоном этот город накрепко сплотить чувство, которое держит их вместе. Лорелей надеялась всей душой.

Она подошла к балконному окну с деревянными белыми рамами и распахнула его, вышла на маленький балкон и оперлась на перила из кованого железа. Они с Джоном остановились на четвёртом этаже прелестной гостиницы в стиле модерн в центре города на бульваре, вливавшемся в улицу Риволи, на которой стоит Лувр.

Солнце закатилось уже несколько часов назад, но воздух был не таким холодным и влажным, как она предполагала в это время года. Лорелей взглянула вниз на засаженную деревьями площадь с множеством скамеек, посередине которой красовался мраморный фонтан. Вдоль тротуара выстроились в ряд велосипеды на прокат, а чуть дальше проходила улица с многочисленными магазинами, в этот час машин на улице было мало.

Едва они с Джоном вошли в номер, Джон бросился в постель отоспаться от утомительного полёта. Лорелей удалось выспаться в самолёте, и, если не считать тошноты, чувствовала она себя хорошо, ей очень хотелось погулять по городу.

— Вернись в комнату, холод выпускаешь, – заворчал Джонни, натянув одеяло до самого подбородка.

Лорелей вздохнула. Нет ни малейшей надежды, что он сумеет взглянуть на эту площадь и улицу глазами Лорелей, подумала она и закрыла створки. Пока она вытаскивала из чемодана одежду и развешивала в небольшом шифоньере, Джонни уже заснул. Лорелей взяла книгу, которую захватила с собой, легла рядом с Джоном и стала читать.

Через четверть часа фыркнула и захлопнула книгу. Ну и пусть! Пускай Джон спит себе, но у неё нет никакого желания сидеть взаперти в гостинице и слушать, как он храпит. Она привела в порядок блузку, взяла сумку и открыла входную дверь.

— Куда намылилась?

Лорелей застыла в двери:

— Пойду прогуляюсь по бульвару. Хотела дать тебе выспаться...

Джонни приподнялся на локте.

— Присядь-ка рядом. Я хочу отпраздновать первый день в Париже по-своему.

— Значит, не так уж ты и устал, – произнесла она медленно, подходя к кровати и томно расстёгивая блузку, чем дава-

ла понять свои намерения. Блузка полетела на тахту, а Лорелей стала расстёгивать юбку, юбка сползла по ногам на пол.

— А остальное снимай сам, — сказала она, подходя вплотную, пока не ощутила на себе его дыхание.

Джонни протянул к ней руки, и в считанные секунды Лорелей стояла перед ним обнажённая, а он смотрел на неё вожделенно.

Тем вечером он удивил её долгими нежными ласками, он знал, что Лорелей они нравятся. Это был один из тех раз, когда Лорелей почувствовала себя окружённой заботой и нежностями.

Если он любит её, то, может, воспримет благосклонно весть, что у них будет ребёнок. Может, это Лорелей создаёт себе проблемы или раздувает их. Как бы ни было трудно, она попыталась представить, как будет жить с Джоном и сынишкой. Ну почему она именно теперь забеременела, почему так скоро?

***

На следующее утро, когда Джон оставил её одну и пошёл обсуждать рабочий проект со строительной компанией, Лорелей решила пойти в Лувр. Она уже была там в прошлом году, но всё ей посмотреть не удалось.

Она часами блуждала по залам, поднималась и спускалась по лестницам, отыскивая павильоны, в которых выставлялись интересовавшие её произведения, присаживалась отдохнуть.

Ближе к вечеру прошлась по магазинам на Севастопольском бульваре: купила мало чего, раз в чемодан много не втолкнёшь.

На закате они с Джоном встретились, и он предложил подняться на Эйфелеву башню. Вышли из такси неподалёку от башни и прошлись по набережной, чтобы полюбоваться этой частью набережной Сены при закате солнца, которое садилось за дома багрово-оранжевым взрывом, в то же время зажигались первые лучики вечернего света.

Вдалеке над деревьями возвышалась макушка башни. Когда Лорелей с Джоном подошли к подножию башни, огромный железный корпус был полностью освещён.

Лорелей взглянула на очередь перед билетной кассой и услышала, как Джон пробормотал:

— Смотри-ка сколько народу, чтобы подняться на башню! Уверена, что тоже хочешь залезть?

— Да нет, если тебе не хочется, – ответила она, тщетно постаравшись скрыть разочарование.

— Ну ладно, сделаю тебе приятное и на этот раз.

Изо всех старается угодить, подумала Лорелей.

— Может, мне стоит делать так, чтобы ты улыбалась почаще: вон как у тебя глаза блестят.

Она хотела дать понять, насколько дороги ей эти слова, но лишь поцеловала его мимолётом: на них смотрело слишком много народа.

Через часик они поднялись на смотровую площадку.

Сверху Париж представлял неописуемо прекрасным, шли минуты, и огоньков внизу загоралось всё больше, светом они рисовали геометрические фигуры, а между фигурами искристыми фонтанчиками переливались крохотные сияющие точечки.

От покалывающего вечернего воздуха Лорелей слегка поёжилась, но, может, её пробирала дрожь не от холодного ветра, а от сознания, что настал момент открыть Джону секрет.

Она огляделась и заметила у них над головами красную надпись: «Бар и шампанское», прочитала она.

— Не выпить ли нам что-нибудь? – предложила Лорелей.

Джон проследил за её взглядом и ответил:

— Отличная идея.

Может, она ошиблась, решив поговорить с ним на такую щекотливую тему в общественном месте, но случай представился особый, и Лорелей не хотела упускать его. Надо попробовать. Все идёт так хорошо.

На втором бокале шампанского она решила сделать опасное сообщение. Глубоко вдохнула, ощущая, как сильно пульсирует артерия на шее. *Смелее... надейся на лучшее!*

— Джонни, мне надо сказать тебе одну важную вещь.

Он поставил бокал на столик:

— Слушаю.

— Я в эти последние месяцы только о работе и думала; ты ведь знаешь, верно?

— К чему клонишь?

— Ну, знаешь... – Как же трудно сказать!

— Лорелей, в чём дело? – он начинал раздражаться. Уселся поудобнее.

— Я забеременела, – выдохнула она.

Великое множество раз Лорелей пыталась представить себе, как он отреагирует. Всякое передумала, но не воображала, что он взорвётся смехом.

— Ну и шутку отколола. Но не испугаешь. Не поверю.

Пугать его? Лорелей сидела озадаченно. Мысли громоздились одна на другую у неё в голове, и она не могла произнести ни слова, но выражение её лица, должно быть, говорило само, потому что Джон перестал смеяться.

— Ты же пилюли пьёшь, не могла ты забеременеть! Не шути такие шутки.

— Я вовсе не шучу.

— Ты перестала принимать пилюли и ничего мне не сказала? Не спросила, что я об этом думаю? – он повысил голос.

— Ты не то подумал. Не сердись и говори потише... – попросила она почти шёпотом.

— Теперь понимаю, почему ты так вела себя в последние дни!

— Постарайся успокоиться, будь добр!

— Поставила меня к стенке, и после этого ещё я же и успокоиться должен? – во взгляде его сверкнуло что-то похожее на презрение. – Как ты могла такую подлость мне подстро-

ить?

Джон рванулся прочь, но Лорелей ухватила его за руку. Он в свою очередь перехватил её руку, сжав за запястье:

— Не прикасайся ко мне... — добавил Джон. Потом отпустил руку и молча ушёл, бросив её в баре одну.

Лорелей всё ещё не верилось, она смотрела, как он на негнущихся ногах спешно выходит из бара. У Лорелей перехватило дыхание.

Может, Джон чувствует себя так же, подумала она. Ощущает себя обманутым. С точки зрения Джона она не могла не признать, что он прав, но ведь она забеременела не специально; должно же это что-то значить.

Лорелей расстроилась, заплатила по счёту и направилась к лифту.

Пока спускалась с башни, взглянула в последний раз на расстилавшийся внизу город, сердце у неё в груди стучало так, будто не хотело прекратить попытки угнаться за собственными ударами.

Лорелей прислонилась лбом к стеклянной переборке и закрыла глаза. Она почувствовала, как подступают слёзы, и хлопала ресницами, чтобы отогнать их назад. К счастью, люди в лифте, похоже, предпочитали любоваться видом на город и на Лорелей внимания не обращали.

Она понадеялась, что Джонни стоит внизу и ждёт её, но его не было.

Не успела Лорелей ступить на землю, как вдруг ослепи-

тельный свет заставил её поднять глаза на башню: на Эйфелевой башне в придачу к уже горевшим лампочкам только что зажгли другие фонарики, они ярко светили и мигали, как на огромной искрящейся новогодней ёлке. Башня словно хотела ободрить Лорелей, чтобы она не падала духом. Башня звала её улыбнуться; и Лорелей улыбнулась, пусть всего лишь на мгновение.

По пути в гостиницу Лорелей попыталась дозвониться до Джона и отправила ему несколько эсэмэсок, но он не ответил. Лорелей пришла в гостиницу, в номере никого не было, так она и думала.

Держала мобильник под рукой.

Наконец поняла, что сегодня ночью Джон не вернётся, и ей захотелось услышать дружеский голос. Она позвонила Давиде и ещё раз сказала, что ждёт ребёнка.

Друг не знал, что ответить. На другом конце провода слышалось лишь, как мяукает кошка.

— Эй, Давиде, чего молчишь!

— Господи, Лорелей! И ты мне по телефону это говоришь?

— А как я теперь по-другому скажу. Не думаешь? – в этот момент Лорелей так не хватало его виртуальных объятий, а не укоров.

— Я рад, что предвидится счастливое событие, но не тому, в какой ты ситуации оказалась... Чёрт подери, надо было сказать ему до отъезда: ты не осталась бы одна со всей этой

чехардой.

— Мне это казалось хорошей идеей, но что сделано, то сделано.

— Не делай поспешных выводов, – посоветовал Давиде. – Первая реакция бывает слишком бурной по сравнению с тем, что испытывают, когда на размышление есть время. Понятно, что очень многое изменится!

— Я всего ожидала, но не беременности. Я к ней была не готова, и, по-моему, не готова до сих пор, – ответила Лорелей уставшим горестным тоном. – Мне и самой понадобилось... – она запнулась. Ей и самой понадобилось много дней, чтобы переварить новость, так почему же она претендует от Джона другой реакции. – Ладно, я поняла: подожду, прежде чем считать его отказ окончательным.

— Сейчас иди в постель и, пожалуйста, держи меня в курсе.

— Договорились, буду держать в курсе. Спокойной ночи, – она собиралась выключить телефон, но расслышала, как друг окликнул её.

— Погоди, Лорелей. Поздравляю с малышом!

Ещё в полудрёме она услышала, как открывается входная дверь. Лорелей приоткрыла глаза и притихла под одеялом.

Сквозь ресницы увидела, как Джон открывает шифоньер, вытаскивает немногие вещи, которые брал с собой, и складывает в дорожную сумку.

Двигался он украдкой как вор. Джон уходит.

Сердце у Лорелей сбилось с ритма и словно не хотело стучать ровно, как прежде. Она глубоко вздохнула, и, как только неприятное ощущение прошло, отбросила одеяло, и встала с постели, готовясь объясниться с Джоном. Она не может позволить ему всё бросить и уйти, полагая, что его обманули.

Джон обернулся на неё.

— Я иду на встречу с архитектором Морелем, потом вернусь в Нью-Йорк... один. А ты наслаждайся себе выходными, – сказал он, пронзив её взглядом.

— Прекрати! Ты мне даже договорить не дал, когда мы сидели на Эйфелевой башне.

— И сейчас не хочу тебя слушать. Ты адвокат: раз умеешь облапошить всех присяжных, чтобы спасти подзащитного, представляю себе, чего наговоришь, чтобы спастись самой.

— Это удар ниже пояса!

— А твой удар ты как назовёшь? – указал он на её живот.

В такой ситуации разговаривать было нелегко, но попы-

таться надо.

— Я не специально забеременела. Я ни разу не перестала принимать пилюли, поверь!

— Прости, но не верится.

Джон взял свою небольшую сумку, поспешил к двери и вышел из номера, даже не взглянув на Лорелей.

Сколько-то минут Лорелей стояла неподвижно. Ей надо было послать его на три буквы и сказать, что о малыше она сама позаботится, но ведь нужно же было постараться убедить Джона, что она поступала честно, прежде чем дойдёт до разрыва; потому что раз дела обстоят именно так, может, Джон не заслуживает иметь сына, но её ребёнок заслуживает иметь отца. Может, наступит день, и Джон передумает: бывает, что мужчины, увидев собственного сына, начинают думать по-другому. В суде она научилась, что иногда надо поступиться гордостью.

Нет, пока есть хоть малейшая надежда, она должна по крайней мере попытаться исправить положение.

Лорелей надёрнула джинсы, свитерок и полусапожки, схватила куртку и выскочила в коридор.

Ближайший к номеру лифт был занят, у лифта напротив тоже горел красный индикатор.

Придётся бежать по лестнице. Если она успеет спуститься в вестибюль, то перехватит Джона до того, как он сядет в такси.

Четвёртый этаж.

Ступенька, лестничная площадка, ступенька.

Третий этаж.

Ступенька, площадка, ступенька.

Быстрее, быстрее...

Второй этаж.

Ступенька, площадка, пусто...

Она оступилась, и лестница сама полетела ей навстречу.

Лорелей закричала от испуга.

Пронизывающая боль, и круговерть чёрных теней увлекла её в никуда.

***

Едва ощутимое покалывание в руке и боль в бедре заставили её понемногу вынырнуть из чёрного тумана чувств. Она не могла открыть глаза.

— Мисс Леманн... слышите меня?

Слова произнесли на ломаном английском с сильным заграничным акцентом, женский голос будто доносился из дальнего далёка.

С губ Лорелей слетело лишь несколько бессмысленных слогов. Язык прилип к нёбу, в горле пересохло. Лорелей всего лишь кивнула.

— Приходит в себя. Можете отвезти её в отделение, – теперь говорил мужчина, на этот раз на французском без единого акцента. Лорелей мысленно поблагодарила отца за то, что он заставил её выучить французский язык, когда они ещё жили в Цюрихе.

Лорелей оцепенела: где она находится? Вопрос завис в наступившей тишине, пока беспорядочные отрывки воспоминаний не загрохотали молотом у неё в голове. Вой неотложки, приезд в скорую помощь, осмотр... и опять провал в памяти.

Она в больнице!

Лорелей заколотило.

Кто-то попытался успокоить её прикосновением руки, но у самой Лорелей не было сил унять бешеную дрожь, в которой билось всё тело.

— Полагаю, что это ответная реакция на посттравматический стресс, – услышала она.

Что с ней сделали, спросила себя Лорелей, её охватило ужасающее подозрение. Она хотела знать, но спрашивать не решалась. Зубы у неё стучали как пневматический молоток, а сердце будто старалось обогнать их в скорости; в голове у Лорелей словно гудело осиное гнездо. Она приказала себе успокоиться, сделала несколько глубоких вдохов.

— Вот так... молодец. Не пугайтесь.

Опять тот мужской голос, такой обнадеживающий.

— Доктор, вас зовёт профессор Лейрак во втором кабинете, – встряла какая-то женщина.

— Да, сейчас приду. Отвезите мисс Леманн в палату, – повторил мужчина.

Лорелей услышала, как кто-то уходит. Рассудок у неё всё ещё был несколько затуманен, но это проходило. Ещё пара

секунд, и ей удалось открыть глаза.

Первое, что она рассмотрела, так это закрывавшиеся двери большого лифта, потом очертания женщины в белом халате, которая собиралась нажать на кнопку.

Вскоре с носилок Лорелей перенесли на кровать.

— Завтра вам станет лучше, – заверила её медсестра, закрепляя капельницу на держателе.

— Ребёнок... – выговорила Лорелей, потрогав себе живот.

***

Пробудилась Лорелей с трудом. Хотя наступило позднее утро, её всё ещё одолевал сон; этой ночью спокойно поспать оказалось невозможно: без конца тренькали колокольчики, слышался шёпот, включался свет.

На плечо Лорелей легла чья-то рука. Подошла медсестра.

— Мисс Леманн, пойдёмте со мной; врач хочет поговорить с вами. Знаете, по поводу выписки.

— О! Так меня выписывают!

— Врач вам всё объяснит, – медсестра склонилась помочь Лорелей подняться с постели.

Хотя голова у Лорелей ещё болела, а колено опухло, она отказалась от помощи, и сама заковыляла вслед за медсестрой.

Проходя по коридору, Лорелей услышала, как из одного кабинета доносятся возбуждённые голоса.

— Я не понимаю, тут, должно быть, ошибка...

— Доктор Дюваль, я попросил вас пронаблюдать за результатами анализов, а главное за уровнем ХГЧ; вижу, что как раз его и нет.

Этот голос Лорелей уже где-то слышала.

— Сюда... входите, госпожа Леманн, – сказала медсестра и указала на полуоткрытую дверь, из-за которой слышались голоса. Медсестра открыла дверь шире, пропуская Лорелей.

В кабинете веяло запахом хлорного обеззараживающего. Сидящий за столом врач даже не поднял головы от листков бумаги, которые читал; Лорелей видела только его короткие каштановые волосы, широкие плечи под белоснежным халатом и немного загорелые руки. При виде фигуры врача – в отличие от его голоса, которым он сумел ободрить её, – Лорелей встревожилась.

Рядом с мужчиной стояла молодая белокурая женщина-врач, она мельком глянула на Лорелей и пригласила присесть.

— Мисс Леманн, состояние вашего здоровья кажется хорошим и... – сказала женщина на не совсем понятном английском языке.

— К сожалению, не хватает ещё одного результата, – прервал её мужчина. – Можете возвращаться домой, мисс Леманн. Как только у нас появится результат, мы внесём его в историю болезни, – продолжил врач, поднял голову и посмотрел на Лорелей.

Только теперь она рассмотрела черты его лица и глаза на-

сыщенно-голубого как вечернее небо цвета.

— Если появится что-нибудь новое, мы вам сообщим: оставьте нам свой электронный адрес и... Что-то не так, мисс Леманн?

— Джек?! Джек Леруа? – воскликнула Лорелей.

— Как вы сказали, простите?

Она молча не сводила с врача глаз. *Господи, прямо вылитый он!* Врач как две капли воды походил на брата Эстер, с бородой...

Врач обеспокоенно встал и подошёл к ней, потом обернулся к женщине:

— Позовите доктора Жюлье.

— Сейчас позвоню, доктор Легран, – ответила она и подняла трубку.

Доктор Легран? «Ну и дура же я!» – разочарованно подумала Лорелей. Джек говорил на английском языке без акцента; а этот незнакомец выражается на английском неплохо, да, но согласные произносит закрыто, картавит и звуки выговаривает мягче.

Уловив тревогу врача, Лорелей остановила его:

— Я чувствую себя хорошо, уверяю. Мне просто показалось, что я уже где-то видела вас... что мы знакомы, в общем; но я ошиблась.

— Тогда можем оформлять выписку, – он снова сел, взял ручку, которую передала ему женщина, и черкнул что-то на паре листков. – Можете позвонить кому-нибудь, чтобы вас

увезли из больницы?

Лорелей оцепенела, сжала кулаки и опустила глаза на стопку папок пастельного цвета на углу стола.

— Мисс Леманн... – окликнул её врач.

Она снова подняла глаза и встретила взглядом с врачом. Он пристально наблюдал за ней; Лорелей постаралась расслабиться.

— Вы приехали в Париж одна? Может в городе кто-нибудь помочь вам?

Она подумала о Джонни, но тут же отбросила мысль. Он, наверное, уже в Нью-Йорке. Лорелей убрала прядь волос за ухо.

— Вы только что сказали, что я могу идти. Мне не нужна ничья помощь, – решительно ответила она.

И увидела, как на лице врача отразилось удивление и скептицизм. Лгать человеку с таким прозорливым и умудрённым опытом взглядом было совсем нелегко. Оборонительная линия поведения, которую она применила, не выдерживала. Но всё же, не самой ли ей за себя решать?

— Уверяю, что это правда. Обратиться мне не к кому, да я и сама справлюсь.

Сколько-то секунд в кабинете молчали.

— Ну ладно, выпишем, как и собирались, – сказал врач. – А пока назначу вам курс лечения на дому, – он протянул руку и подал Лорелей пару листков.

Она взяла листки и сложила вдвое, даже не взглянув, что

там написано. Ей было не по себе и хотелось уйти из кабинета, как можно скорее.

— К счастью, ребёнок никоим образом не пострадал, с ним всё в порядке; но вам нужно отдохнуть хотя бы пару дней, – продолжил врач. – Что же до швов на голове, их можно будет снять через неделю в любой больнице. И в течение по меньшей мере двух недель или максимум двадцати дней не снимайте наколенник.

— Хорошо, так и сделаю.

— Было бы лучше, если бы перед отъездом вы пришли к нам на контрольный осмотр: из предосторожности, мой вам совет.

— Подумаю. Мне нужно связаться и со страховой компанией. Благодарю вас, доктор Легран, – Лорелей попрощалась и встала со стула, опираясь на спинку. Перевела взгляд на женщину. – Спасибо, доктор...

Лорелей попыталась улыбнуться, она распрощалась с женщиной кивком головы, потом повернулась и вышла из кабинета; разум её словно опустошили от мыслей, но Лорелей снедала злость, она никогда не думала, что может так разозлиться на Джона и на саму себя.

В приступе гнева она забылась и перенесла вес всего тела на больную ногу. Вытянула вперёд руки, ища, за что бы ухватиться, но налетела на какую-то металлическую штуку, овальную как фасоль, штуковина грохнулась на пол, содержимое рассыпалось.

Лорелей свалилась следом на здоровое колено, упёрлась ладонями в пол; она огляделась, какой натворила бардак, не знала то ли смеяться, то ли плакать.

Почувствовала, как сильные руки обхватили её за плечи и помогают подняться, а медбрат подбежал собирать шприцы, тубики с мазями, бинты и ножницы и складывать обратно в металлическую посудину.

— Всё в порядке, мисс Леманн? – спросил доктор Легран.

— Да, ничего страшного. Спасибо, доктор, я всего лишь забыла, что у меня больная нога: такая уж я, немного рассеянная. Так что можете посмеяться, если хотите, – пошутила она.

Лицо у врача прояснилось, и губы расплылись в улыбке.

Лорелей надела тёплые джинсы, свитер со стоячим воротником, пальто из полу-водонепроницаемой ткани и сапожки на низком каблуке. На голову нахлобучила берет из гребенной пряжи, чтобы не видно было лейкопластыря, на шею повязала шарф из такой же пряжи.

Проверила, что ничего не забыла в ванной или в номере, спустилась в вестибюль и оплатила счёт, чемодан оставила на хранение в гостинице, чтобы не тащить его с собой в больницу. В запасе оставалось пять часов сходить на контрольный осмотр, забрать чемодан из гостиницы и приехать в аэропорт.

Она попросила заказать такси и села ждать в кресло.

Чтобы выдержать обратный рейс Лорелей для верности пробыла в гостинице дольше предусмотренного времени, и старалась побороть скуку читая и глядя в телевизор. Служащие гостиницы обращались с ней очень обходительно: время от времени стучала в дверь горничная, спрашивала, не надо ли чего.

В эти дни Лорелей позвонили два раза. Сначала позвонил Давиде и спросил, помирилась ли она с суженым. Когда Лорелей рассказала, что Джонни сбежал и что она упала на лестнице, у Давиде поначалу слов не было, а потом его взяло зло, которое вылилось в расцветистую брань, а за ней после-

довала чередой советов.

Давиде приказал Лорелей сидеть в номере в тепле и покое, как будто она со своим всё ещё опухшим коленом так и рвалась погрузиться в «movida¹»! Закончив читать морали, Давиде пообещал, что встретит её в аэропорту.

Второй же звонок поступил из больницы, позвонила медсестра и сообщила результат недостававшего анализа, она посоветовала пройти осмотр, прежде чем возвращаться на родину. Лорелей уже перенесла рейс на завтра, поэтому сразу записалась на приём, который назначили потом на день вылета.

Подъехало такси и прервало отрывки воспоминаний Лорелей о последних днях в Париже. Лорелей села в машину и глянула на водителя косо оттого, что ждать пришлось долго.

— Отвезите меня в больницу Сен-Луи, пожалуйста, — она устроилась на сиденье. — Если бы в Манхэттене приходилось ждать такси так долго, я бы скорее дошла пешком до конторы, — подумала Лорелей вслух.

— Так вы и здесь вольны идти пешком! — колко отозвался таксист на не совсем правильном английском, такси ещё не отъехало от тротуара. Таксист оглянулся и посмотрел на неё, ехидно улыбнувшись — Знаете, тут и идти-то всего пару километров.

Лорелей и глазом не моргнула:

— Я и пошла бы, но мне надо в больницу. Вам это ни о чём не говорит?

Она и впрямь пошла бы. Если бы не опухшее колено, она и правда отправилась бы пешком, воспользовалась бы случаем прогуляться, что было бы ей на пользу после четырёх дней лежания в постели.

Шофёр тряхнул головой и выехал на проезжую часть. Лорелей откинулась на спинку, стараясь успокоиться: каждый раз, когда она садилась в такси в плохом настроении, доставалось человеку, сидевшему за рулём, это она понимала; но ждать такси больше получаса, это уж слишком.

Приехать в Париж и терпеть всё вот это!

Килмер наверняка похохатывает в усы, подумала Лорелей, вспомнив, как она позвонила ему на следующий день после выписки из больницы.

Лорелей пришла в приёмный покой и попросила, чтобы её принял доктор Легран, но этим утром он был занят в отделении; по мнению медсестры Лорелей надо удовольствоваться дежурным врачом, но она не хотела, чтобы к ней прикасался другой мужчина.

Лорелей стояла на своём до тех пор, пока перед таким упрямством медсестра с медно-рыжей шевелюрой и в очочках на цепочке не попыталась пойти ей навстречу или сделать так, чтобы Лорелей убралась восвояси: медсестра сказала, что спросит у доктора, примет ли он Лорелей в частном порядке, если она готова оплатить осмотр. Лорелей и думать не стала, а взмахнула кредитной карточкой.

Пришлось ждать больше часа, но в конце концов доктор

Легран нашёл время принять Лорелей.

Он подлечил рану на голове и провёл к себе в кабинет, там было уютнее, чем в давешнем безликом медпункте, да и для личного разговора кабинет подходил больше.

— Значит, уезжаете сегодня, мисс Леманн.

— Париж – город прекрасный, но мне не терпится вернуться в Нью-Йорк после всего этого... – она указала на лейкопластырь справа на голове над ухом.

— Понимаю. Я давно собираюсь снова побывать в вашем родном городе, но каждый раз еду в другое место куда-нибудь гораздо ближе; не получается взять достаточно долгий отпуск, чтобы позволить себе съездить так далеко, – он положил ногу на ногу и откинулся на спинку стула. – Надо лучше спланировать работу так, чтобы на отпуск иметь по меньшей мере неделю времени и хорошенько отдохнуть.

— Ну что же, если приедете, позвоните. Буду рада встретиться с вами и показать какой-нибудь интересный малознакомый уголок города, чтобы ответить любезностью на любезность.

Он улыбнулся, и Лорелей опять в который раз подумала, как же разительно врач похож на Джека Леруа.

Она расстегнула сумку и вытащила из кошелька маленькую прямоугольную картонку, на которой было что-то напечатано.

— Вот моя визитная карточка с адресом электронной почты и номером рабочего сотового телефона. А личный теле-

фон у вас уже есть; но, чтобы вам не искать... – Лорелей взяла со стола чёрную ручку, перевернула визитку и написала номер. – Вот. Звоните, когда хотите: если сразу не отвечу, оставьте сообщение, и я сама вам перезвоню.

Он протянул руку, взял визитку, прочитал название конторы и удивлённо поднял бровь.

— Так значит, вы адвокат.

— Да, по уголовным делам.

Легран засунул карточку в кармашек халата.

— Если буду в Нью-Йорке, учту ваше приглашение, – он взял белый конверт, лежавший рядом с историей болезни, которую завели в скорой помощи, и вынул листок бумаги.

— Мисс Леманн, перейдём к главному: уровень ХГЧ в норме, хотя несколько завышен. Поскольку беременность у вас только началась, обращаться немедленно к врачу не надо, тем более сейчас, когда анализы мы вам сделали, и все результаты нормальные; приблизительно через месяц, когда начнёте проходить общепринятые анализы, покажите врачу и вот это, – и он протянул листок.

Лорелей снова засунула его в конверт, а конверт бросила в сумку.

— По правде говоря, я уже записалась на приём: на следующую неделю. Рановато, я знаю, но мне хотелось бы получить ответы на некоторые вопросы.

— Может, я могу вам чем-то помочь...

— Конечно, могли бы, но боюсь, что отнимаю вас слиш-

ком надолго у ваших пациентов.

— Давайте так, – ответил он, взглянув на настенные часы, – у меня примерно час на обед, – он распрямил спину и склонился к Лорелей. – Если хотите, можем поговорить, а заодно и перекусим что-нибудь, согласны?

Лорелей прикинула: до вылета остаётся часа три, так что на самолёт она успеет, если не будет слишком затягивать разговор.

— Отличная мысль. Если вам подходит, то подойдёт и мне. Обещаю быть лаконичной.

***

Сидя в кресле самолёта со стаканчиком чая в руке, Лорелей раздумывала над тем, что сказал доктор Легран. Факт, что она забеременела, несмотря на пилюли, которые принимала регулярно, мог случиться по разным причинам. В прошлом месяце она сколько-то дней чувствовала себя плохо, и её несколько раз вырвало. Поэтому врач прописал желудочный дезинфектант; не говоря уже про болеутоляющее, которое она часто пила от головных болей. Всё это стало причиной плохого усвоения гормонов пилюли, что, следовательно, ослабило противозачаточное действие.

Теперь всё объяснялось. Но растолковать это Джонни будет совсем нелегко. А заслуживает ли он вообще каких-либо разъяснений после того, как повёл себя в Париже? Прав или нет, он не должен был реагировать так разгромно и бросать её одну.

Как доверять человеку, который вместо того, чтобы попытаться разрешить ситуацию, взял да сбежал?

Лорелей поднесла стаканчик ко рту, самолёт тряхнуло, она вздрогнула, и несколько капель чая выплеснулось на свитерок.

Чёрт подери, сегодня рассеянное обычного! Она вытерла капли бумажной салфеткой, которую стюардесса подала ей, когда принесла чай, и мысли опять завертелись с того места, где прервались.

В последнее время она вела себя так же, как Джон: не она ли сбежала от Сонни аж два раза? И не у неё ли не хватило духу признаться Джону, что произошло между неё и тем мужчиной?

Лорелей положила голову на подзатыльник и вздохнула. Ей надо принять важные решения: о том, что касается беременности, что касается отношений с Джоном и что касается зависшего вопроса с Сонни. Нельзя надеяться продолжать в том же духе и тыкать пальцем на ближнего. Она частенько слышала, что одна ложь порождает другую, пока не погрязнешь во лжи и не знаешь, как выкарабкаться. И кончишь тем, что увязнешь по уши!

Она повернулась к иллюминатору, глянула вниз, но земли не разглядела.

До прибытия в аэропорт Кеннеди было ещё долго, там её будет встречать Давиде: он всегда держит слово. С этой мыслью и с улыбкой на губах Лорелей провалилась в долгий тя-

жёлтый сон.

Разбудил её голос бортпроводника, сообщал, что начинается приземление, и просил пассажиров пристегнуть ремни безопасности. Как же долго она спала! В этот момент Лорелей почувствовала себя необычайно спокойной, несмотря на всё, что с ней приключилось.

С огромным облегчением она ступила на американскую землю. Она почти не выносила сидеть так подолгу в железной коробочке: в этом она была вылитый Джон.

Лорелей вышла из аэровокзала, и перепад температуры заставил её остановиться, хорошенько застегнуть поверх шарфа верхние пуговицы пальто и надеть шляпку. Послышался гул мотора самолёта, и Лорелей подняла глаза: небо окрасилось в серо-голубой цвет, кое-где его перечёркивали оранжевые полосы, это означало, что солнце только что село за горизонт. Огоньки самолёта исчезли в тёмном облаке.

Некоторые из прибывших пассажиров спешили захватить стоявшие вдоль навеса такси, другие вертели головами, что-то или кого-то высматривая. Впрочем, примерно, как Лорелей, искавшая глазами друга Давиде.

Она увидела его на тротуаре напротив. Едва взгляды их встретились, Давиде улыбнулся и пересёк дорогу, он пошёл навстречу, вышагивая на длинных кривых ногах, которые всегда вызывали у Лорелей улыбку, когда она задерживалась на них взглядом.

Она подняла руку и помахала ему, рада была, что у неё

есть такой друг. Откровенно говоря, когда они учились в университете и проводили время вместе, Лорелей готова была выбрать Давиде и в качестве будущего мужа, не будь одной маленькой детали: Давиде в конце концов понял, что его больше привлекают мужчины.

***

Возвращаться в пустой дом одной всегда горько, тем горше было Лорелей, ей будто всадили нож в спину. Не только Джона не было, это-то она уже предвидела, но он забрал и большую часть своих личных вещей.

Гардеробная наполовину опустела: он оставил пока только летнюю одежду. Из шкафчика в ванной исчезли все его принадлежности, кроме уже использованной одноразовой бритвы.

Лорелей осмотрела всю квартиру сверху донизу, открыла окна проветрить, хотя на улице стоял собачий холод. Поискала другие приметы, которые могли бы подсказать, что делал Джон, пока её не было, но особо понимать было нечего: он вернётся, только чтобы забрать оставшиеся вещи.

Она разобрала чемодан-тролли, бросила в стирку грязное бельё и приняла душ, голову мыть не стала, чтобы не намотать лейкопластырь. У неё в запасе было три дня, прежде чем идти к врачу снимать швы. Лорелей взглянула на колено и отметила, что опухоль спала, разница между правым коленом и левым почти не замечалась. Если нажать на коленную чашечку, то было немного больно, а так чувствовалось толь-

ко жжение, и кожа чуток задубела.

Одеваться Лорелей не стала, а накинула толстый тёмно-красный атласный халат и прилегла на диван отдохнуть.

В гостиной всё как будто осталось по-прежнему: круглый деревянный белый столик, на нём поднос с ароматическими свечами всяческих форм; в серванте полно хрустальных бокалов и тарелок викторианской эпохи; полки с книгами и всякими безделушками, купленными на разных антикварных рынках; зеркало в резной деревянной рамке; маленький камин со стеклянной заслонкой, отделанный кирпичом и буфет с высокими табуретами.

Во всём царит порядок, всё на своём месте.

Лорелей же начинала чувствовать себя несколько неудобно, возникало ощущение, что она *не дома*. Она арендовала эту квартиру-лофт вместе с Джоном, но теперь Джон больше не заполнял квартиру своим присутствием, и Лорелей лофт перестал казаться своим. Они с Джоном делили расходы пополам, но сейчас ей придётся за всё платить самой, и она не была уверена, что может позволить себе оплачивать лофт, не черпая из доверительного фонда, который предоставил ей отец несколько лет назад, когда она начала жить самостоятельно.

Лорелей снова пообещала себе, что с того счёта не возьмёт ни доллара: хотела обойтись своими силами. Но для верности ей надо поменять квартиру, арендовать жильё поменьше в квартале подешевле. Но, прежде чем обращаться в агент-

ство, надо точно знать, какой оборот примут их отношения с Джоном: Лорелей хотела дать ему время подумать и вернуться назад, чтобы в один прекрасный день не пожалеть, что не попыталась помириться; и чтобы дать своему ребёнку то, что ему причитается по праву: семью и любовь обоих родителей.

Бурчание в желудке объявило Лорелей, что надо бы перекусить, но она была так расстроена, что готовить ужин не хотелось. Будь дома Майра, она приготовила бы ей что-нибудь вкусное. Но не зная, что будет дома, когда она вернётся, и чтобы было время поразмышлять, что делать дальше, Лорелей предоставила Майре ещё один выходной.

Ей будет искренне очень жаль, если вдруг придётся просить Майру искать другую работу. Лорелей привязалась к работающей и изобретательной домработнице; она полностью доверяла ей, и отказать Майре от места станет большой утратой. Майра тоже как будто привязалась к Лорелей: часто говорила, что никогда с ней не обходились так хорошо, как в доме Лорелей, и что ей хотелось бы никогда не расставаться с работодательницей. Бедная Майра!

Лорелей положила руку себе на живот. И засмеялась визгливым, нестройным, нервным смехом; смеялась, пока смех не перешёл в плач – и она выплакала напряжение последних дней и впала в умственное оцепенение.

Резкое *дзинь* сотового телефона напомнил, что мобильник надо зарядить. Лорелей натужно поднялась, взяла теле-

фон и подключила к сети; потом постаралась заснуть, но не смогла.

Тогда решила позвонить Хансу; ей нужно было услышать родной голос. Так бывало каждый раз, когда у неё падало настроение, в отличие от Джона, который, наоборот, замыкался в себе как ёж.

Джон... только о нем и мысли!

Она нервно набрала номер.

— Лорелей, как дела? Повеселилась в Париже? – спросил брат.

— Ну конечно, повеселилась... – на последнем слоге голос дрогнул, Лорелей прокашлялась.

— Ты уверена, что всё нормально?

— Я только что проснулась и ещё не совсем очухалась. У вас с Эстер как идут дела?

— Хорошо. Я ещё на работе, а она у мамы.

— Кстати, об Эстер: знаешь, я в Париже встретила одного типа, – Лорелей заколебалась: так ли важно рассказывать об этом? Может, не надо, но почему бы и не рассказать. – И понимаешь, этот тип, которого я встретила, я поначалу приняла его за Джека, за брата Эстер.

На другом конце провода замолчали.

— Ханс, слышишь меня?

— Слышу.

— Извини, считай, что я тебе ничего не говорила.

— Брось извиняться, скажи лучше, что это за тип?

— Я познакомилась с ним, когда попала в больницу и...
— она запнулась. Чёрт подери! Не хотела говорить брату, что упала.

— Ты о чём? Что случилось?

— Да ничего страшного. Я отлично себя чувствую, правда, — она убрала за ухо прядь волос, чтобы слышать лучше.

— Говори правду! — резко отозвался Ханс.

Когда у него в голосе появлялись такие нотки, означало, что он не отступит, пока не получит убедительного ответа.

— Да я оступилась на лестнице в гостинице в Париже, но, к счастью, ничего страшного: всего лишь опухло колено да несколько швов на голове.

— Я заскочу к тебе.

— Не сейчас. Мне ещё надо прийти в себя от поездки.

Не хватало только, чтобы пришёл Ханс: он сразу заметит, что Джона нет.

— Тогда приеду попозже, и у тебя будет время отдохнуть.

— Мне надо посидеть немножко спокойно. Не настаивай!

И предупреждаю: если всё равно приедешь, не открою.

Они помолчали.

— Ну ладно, но на неделе увидимся, договорились?

— Только давай так, я сама к тебе приеду, всё равно частенько бываю в вашем квартале. Вот и с Эстер повидеаюсь.

— Она наверняка будет рада. А теперь Расскажи-ка про того типа: в больнице, говоришь, встретила. Он что, врач?

— Это он меня и зашил. И повторяю: этот тип прямо вы-

литый Джек с бородой; но когда он заговорил, я подумала, что это не может быть Джек: по-английски говорит с акцентом, не то, что Джек, и интонация французская. А к тому же персонал обращался к нему «доктор Жак Легран». Поэтому ясно, что это не может быть твой шурин. Смотрел на меня, будто в первый раз видит.

— Ну да, странные бывают случаи в жизни...

Лорелей показалось, что в голосе брата слышалось не только недоумение, но и некоторое беспокойство.

— Вот и я так подумала.

— Будь добра, не рассказывай Эстер то, что ты мне сейчас сказала. Ей понадобилось много времени, чтобы смириться с исчезновением единственного оставшегося из её семьи человека.

— Да нет, конечно! Не беспокойся.

— А Джон как?

— Хорошо, гораздо лучше меня. Он сейчас на работе, — в этом Лорелей была уверена.

— Передай ему привет от меня. Извини, мне надо идти: у меня собрание через несколько минут. Скажи и маме, что ты дома, и постарайся отдохнуть.

Ещё немного отдыха, а чтобы ходить как прежде, ей нужно бы пройти физиотерапию, подумала Лорелей и фыркнула.

— Но завтра надо идти в контору, а то Килмер меня и вправду уволит.

— Не поддавайся ему, не робей. На неделе встретимся.

8

Сонни закрыл пианино и бросил листок с нотами и карандаш на крышку; новое сочинение требовало большой сосредоточенности, а как раз её-то в последние дни и не хватало.

Он поднялся со банкетки, вышел из студии, открыл балконную дверь в гостиной и шагнул в сад: ему нужен был свежий воздух, чтобы встряхнуться.

С того дня, как встретился с Лорелей второй раз, на катке, он часто думал о ней и, сколько бы ни старался погрузиться в работу, ему никак не удавалось выбросить из головы её прекрасный лик северной красавицы и ночь, которую они провели вместе. Ему и раньше случалось заполучить женщину на одну лишь ночь и после этой ночи больше не вспоминать о ней, непонятно, отчего с Лорелей вышло по-иному, думал он; слышался стук каблучков.

Сонни увидел гувернантку, женщину средних лет с исхудалым лицом, она подошла, размахивая тёмно-серой курткой.

— Господин Маршалл, на улице холодно! Вот, наденьте пиджак, – сказала она, как только подошла достаточно близко, и подала куртку.

— Спасибо, но мне и так хорошо.

— Подхватите простуду, в одной рубашке-то стоять... да ещё и расстегнулись! – гувернантка перекинула пиджак че-

рез руку и стала застёгивать ему пуговицы на рубашке.

Сонни остановил её:

— Луиз, я не дитя. Знаю, что делаю.

Порывом ветра подняло с земли ворох сухих листьев: несколько листочков запуталось у гувернантки в волосах, она раздражённо стряхнула их.

— Гляньте, какая погода? Вот-вот дождь хлынет! Дайте застегну.

Она решительно глянула на него тёмными ввалившимися маленькими глазами.

Сонни взял у неё с руки пиджак и накинул себе на плечи. Он знал, что гувернантка не уйдёт, пока он не оденется. Рвение гувернантки порой раздражало как комариный укус, но она привязалась к Сонни, и казалось, что не находила другого способа показать своё расположение, кроме как не сводить с него заботливых глаз.

Когда Луиз ушла по своим делам, Сонни вновь зашагал по тропинке, ведущей к фонтану.

Он разглядывал фонтан издалека, сосредоточившись на двух уступах: первый уступ поднимался вверх, а потом изгибался и сбрасывал воду в лежащий внизу бассейн; а из второго лёгкие струи падали каскадом.

— Эстер. Водопады и фонтаны её зачаровывают... – прошептал Сонни.

В голосе слышалась ещё не утихшая боль.

Сонни потряхнул головой: зачем навязчиво думать об Эс-

тер? Она сделала свой выбор и теперь счастлива с Хансом; эта мысль несколько смягчала боль утраты. Сонни горестно улыбнулся. Нельзя потерять то, чего никогда не имел.

— Но если бы не Ханс, Эстер теперь была бы здесь со мной в этом доме и...

Сонни отмахнулся от назойливых слов. *Хватит!* Надо переключиться на что-нибудь другое или на какую-нибудь другую женщину. Например, на девушку с длинными белокурыми волосами и голубыми глазами.

Мысли опять завертелись вокруг Лорелей, завихрились, отыскивая логическую последовательность, а образы становились то чётче, то более расплывчатыми, бежали вслед за воспоминаниями о единственной проведённой с ней ночи. Сонни захотелось, чтобы Лорелей была здесь, переброситься с ней хоть парой слов, может, с бокалами шампанского в руках. Но Лорелей всё время ускользала от него, будто не хотела встречаться снова. Мысль, что она раскаивается, что отдалась ему, не давала Сонни душевного покоя.

Да пошла она к чёрту! За всю свою жизнь он любил только двух женщин, да и те принесли ему лишь неприятности и расстройства: он не собирался добавлять третью.

— Привет, Сонни, – поздоровался с ним женский голос за спиной.

У него вырвался незаметный вздох, Сонни обернулся.

— Привет, Люси. Ты как здесь оказалась? – округ Нассо был далеко от Манхэттена.

— Тёплый приём, нечего сказать! Смотри, не торопись обнять меня, а то рубашку помнёшь. Но я не сержусь и мигом докажу это... — не спуская с него глаз, она помахала рукой, будто кого-то звала.

Сонни взглянул ей через плечо и увидел, как подходит гувернантка с бутылкой шампанского и двумя бокалами на подносе. Он нахмурился:

— Вижу я, Луиз постаралась в винном погребе.

— Не сердись на неё: ты же знаешь, что я оказываю на Луиз некоторое влияние, — только Люси умела смягчить суровый и ершистый характер гувернантки.

— Пока не понимаю по какому поводу...

Едва Луиз подошла, Люси взяла шампанское.

— Открывать тебе, — сказала она и протянула Сонни бутылку.

— Должно быть пропала моя прогулка, — отметил он и взял бутылку.

— Ты не в настроении! Луиз меня предупредила. А я-то ещё и расфуфырилась, — Люси нахмурила брови.

Сонни посмотрел на неё. На Люси было короткое элегантное синее платье, под которым просматривались щедрые очертания груди и изгиб бёдер. Волосы она уложила на затылке в мягкий пучок: Люси красивая, да, но Сонни знал её с детства и не переставал видеть в ней всего лишь сестрёнку своего друга Пола.

— Извини, я разнервничался. Ты ехала аж из Манхэтте-

на, приказала открыть шампанское, значит, должен быть какой-то конкретный повод. За что поднимаем бокалы на этот раз?

— Именно так, — Люси взяла бокалы и, когда Луиз удалилась, продолжила. — Помнишь, я ходила на пробу в театр?

— Как же не помнить. И что?

— Прошла и... меня взяли!

Сонни удивлённо распахнул глаза:

— Быть не может!

— Ах так, ну спасибочки! Умеешь заставить человека гордиться собой.

— А мы не можем не ссориться, давай дадим друг другу роздых? — фыркнул он.

— Я пришла отпраздновать свою новую и единственную работу, и мне хочется, чтобы ты порадовался за меня.

— Ты говорила, что на этот раз серьёзно взялась за учёбу, но я не поверил. А ты доказала, что, когда захочешь, умеешь быть молодой. Рад за тебя.

Люси улыбнулась:

— Спасибо!

Сонни налил шампанского в два бокала, которые она держала в руках, и взял один.

— Ну тогда, поздравляю с началом театральной карьеры.

Они чокнулись и молча отпили по глотку.

Люси вновь заговорила:

— А мне, знаешь, так надоело часами стоять и скалиться

в фотоаппарат, будто физиономию парализовало на улыбке. Гораздо лучше выступать в театре перед живыми людьми.

— Не могу не согласиться.

Люси попросила опять наполнить бокал. Залпом выпила и снова подставила.

Сонни глядел, как смачно она пьёт, и нахмурился.

— Надеюсь, спиртным ты не слишком увлекаешься. Смотрю я, что-то ты попивать стала.

— Не волнуйся, не так уж много я и пью. А главное, никогда не стану такой, как твоя бывшая жена Лин, если это имеешь в виду: я не совсем отчаялась.

— Вот и хорошо, на это и надеюсь!

— Как видишь, я иду своей дорогой и иду уверенно; это ты всё ещё цепляешься за прошлое. Когда же ты наконец освободишься от всего, что с тобой случилось? Ты стал не таким, как в прошлом году, это правда, но мне не хочется, чтобы на жизненном пути ты отклонился и взял неверный курс, который тебе только навредит.

— Да ты о чём? – раздражённо отозвался Сонни.

— Вот видишь? У меня сразу возникает желание ответить тебе тем же, но сегодня я слишком счастлива и не хочу ругаться. И говорю серьёзно.

— Тогда я предпочёл бы прежнюю Люси.

Она надула щёки и резко выдохнула.

— Слушай, ты помнишь, что сказал мне тем вечером, когда Эстер собиралась уехать из Нью-Йорка, а я тебе говори-

ла, что ты недостаточно крепко любишь её, потому что сразу смирился и даже не попытался удержать?

Сонни прикрыл глаза, выискивая в памяти те злополучные минуты. Это было незадолго до того, как Лин попыталась убить его. Тогда Люси подошла сзади и принесла какой-то напиток так же, как несколько минут назад.

— Нет. Сейчас никак не могу вспомнить.

— Ты сказал: «Мне словно булавку в сердце воткнули. Такая ноющая боль, и не проходит, и не даёт покоя, и придётся жить с ней кто знает сколько времени. Я всего лишь научился переносить такую боль лучше, чем ты».

— Вот так память, поздравляю!

— Без такой памяти я не могла бы и надеяться играть в театре. А твой ответ мне прямо в душу запал. Но вернёмся к главному: «Я всего лишь научился переносить такую боль лучше, чем ты». Ты и сегодня сказал бы то же самое? Мне кажется, что я переношу боль лучше тебя.

— Вот как?! И отчего ты так думаешь?

— Оттого, что я пытаюсь развивать себя, а ты только каатишься вниз.

— Ну, легко совершенствоваться, когда начинаешь с самых низов... – Сонни запнулся. *Чёрт возьми!*

Это у него вырвалось. На этот раз он задел за самое больное место Люси: уважение к самой себе.

Он почувствовал, что Люси перестала дышать.

— Прости, Люси, я не хотел обидеть, правда... – в спешке

заговорил он, тронув Люси за руку.

Она склонила голову и неотрывно смотрела в бокал, который держала двумя пальцами, будто созерцает бегущие со дна вверх пузырьки, потом подняла заблестевшие от слез глаза и посмотрела Сонни прямо в лицо.

— Совсем недавно ты никогда не сказал бы мне такой гадости. Я, может, и сказала бы, а ты нет. Тебе это ни о чём не говорит?

Сонни вздохнул.

— Говорит, что нам было бы лучше прервать разговор и встретиться в более подходящий момент. Видимо, я сегодня не в духе, вот и вылетают неудачные слова; поэтому я предпочёл бы, чтоб ты звонила и предупреждала, а не заявлялась неожиданно. Я всегда рад видеть тебя, конечно, но бывают моменты, когда мне лучше посидеть одному. Это не значит, что я невзлюбил тебя, — он улыбнулся.

Люси забрала у него бокал и бутылку.

— Ладно! Тогда в следующий раз, когда увидимся, сделай так, чтобы *ты* принёс мне шампанское: по какому такому поводу будешь праздновать, я пока и представить себе не могу, но что бы ни было, буду рада составить компанию, — она повернулась на каблуках и ушла из сада, Сонни остался стоять около фонтана.

Люси поставила бутылку и бокалы на буфет в гостиной, вымученной улыбкой попрощалась с Луиз, которая прошла вперёд открыть дверь; Люси села в машину, и улыбка исчезла

у неё с лица, а из глаз облегчённо полились горячие слёзы.

Она больше не знала, что делать. Попытки встряхнуть Сонни и вывести из состояния безразличия, которое крылось за неадекватным и нелогичным по сравнению со всегдашним поведением, каждый раз шли впустую. Он уже давно был сам не свой.

Всё началось с того, как он узнал, что его невеста Лин, ставшая позднее женой, изменила ему с Хансом. Потом он увидел, что жена скатилась в алкоголизм и азартные игры, и стал чувствовать себя ещё хуже вплоть до того дня, когда дочка погибла в дорожной аварии как раз по вине матери, которая по идее должна была убереечь девочку, а она, наоборот, потащила её с собой к катастрофе.

Появление Эстер в жизни Сонни ухудшило дело.

Люси больше того, что делала для Сонни, сделать уже не могла. Они сблизилась потому, что их объединяла одна и та же боль, стали часто видеться, чтобы помочь друг другу пережить превратности судьбы. Но Сонни не хотел или не мог забыть. Не то, чтобы сама Люси забыла, что влюблена в брата Эстер, вовсе нет; но она старалась думать о нём как можно реже и жить своей жизнью, чтобы не оказаться в ловушке у прошлого как рыбина в сетях.

Джек, прежде чем исчезнуть из жизни Люси, даже не попрощался с ней: ясно, что она для него не так уж много и значит. Более того, совсем ничего не значит!

Люси же впервые в своей молодой жизни полюбила по-

настоящему.

— Джек, где бы ты ни был... – громко произнесла Люси,
– ...пошёл на ***! – крикнула она и нажала на газ.

Сидя за письменным столом с ручкой в руке, Лорелей позвонила врачу и записалась на приём на последнюю неделю этого месяца. Как сказал Легран, торопиться не было смысла, но она по крайней мере успокоится. Нарисовала в календаре жирный крестик, чтобы не забыть про медосмотр, и записала дату в блокноте мобильного. После чего открыла электронную почту: уйма рекламной рассылки, предложений что-нибудь купить, пара рабочих сообщений, пара из банка, а напоследок... от доктора Жака Леграна!

Дважды кликнула на сообщении.

Здравствуйте, мисс Леманн,

я позволил себе написать вам и узнать, выздоравливаете ли вы. Рана на голове затянулась? А колено? Не снимайте наколенник, пока опухоль не спадёт полностью и не пройдёт боль при ходьбе, когда опираетесь на повреждённую ногу.

Я думаю, не взять ли мне несколько дней отпуска и не поехать ли за границу. Кто знает! Надеюсь, что ваше приглашение всё ещё в силе.

Жак Легран

Лорелей улыбнулась. Всё может быть.

— Хорошие новости? – спросила Сара, входя в кабинет.

Лорелей подняла голову от компьютера. Секретарша стояла в дверях и смотрела на неё, к груди Сара прижимала тол-

стенную папку, которая казалась больше неё самой, низкорослой и худенькой.

— Что принесла?

Сара скосила глаза на папку в руках:

— А-а, нет. Это для шефа. Я заметила, что ты улыбаешься, и мне стало любопытно; в последнее время улыбаешься ты нечасто.

— Полоса неудач, – призналась Лорелей.

— Это-то я поняла, Итан беспокоится за тебя.

Лорелей почувствовала на себе пронизывающий взгляд её глаз настолько чёрных, что зрачки с трудом выделялись на фоне радужной оболочки. Женщины помолчали.

— Ну, если понадобится, я здесь... – сказала подруга и поправила на носу толстые очки для чтения.

— Спасибо, подумаю.

Когда Сара вышла, Лорелей откинулась на спинку кресла. Из слов секретарши она вывела, что Итан знает о ссоре с Джоном. Может, Итан знает и где сейчас Джон. Лорелей выудит у Итана сведения во что бы то ни стало; но надо застать его, когда будет один.

Случай остаться с Итаном наедине выдался на следующий день. Он только что вошёл и показал ей статью в Нью-Йорк Таймс, в которой говорилось о деле Уолласа: общественное мнение как будто уже приговорило его к самой строгой каре ещё до начала процесса.

Лорелей прочитала статью и покачала головой. Раз даже

она в душе считает его виновным, как можно надеяться, что её подзащитному поверят присяжные? Это она должна защищать его, а она его не защищает как должно и без предвзятых суждений.

Лорелей решила сходить поговорить с родными Уолласа, чтобы лучше понять, как жил Петер, и что он за человек. Да, надо покопаться в их жизни.

— Лорелей, слушаешь меня? – спросил Итан, стоя у стола.

Она свернула газету и протянула Итану.

— Извини, я увлеклась статьёй.

— Я говорю, если хочешь, чтобы я помог тебе с этим делом, то помогу.

— Очень любезно с твоей стороны, но у тебя и своих дел невпроворот, а я хочу справиться сама.

Во взгляде Итана читалась настойчивая снисходительность вперемешку с сочувствием, и Лорелей стало неуютно. Она поднялась с кресла и встала перед ним, прислонившись к столу и скрестив руки на груди.

— А ты, чем смотреть на меня так, не скажешь ли, что думаешь *на самом деле*?

— Не понимаю.

— Не юли, ты отлично знаешь, что Джон ушёл из дома... и наверняка знаешь почему, – Лорелей нажимала на него, но, если хотела разузнать что-нибудь, выбора не было.

Итан почесал в затылке, он всегда чесал в голове, когда выходила заминка.

— Ну же, Итан! Будь добр.

Итан вздохнул:

— Да что говорить? Не знаю, что и думать, и не мне судить: у меня так же, как у тебя в личной жизни всё вверх тормашками, мне и своего хватает.

— Ты имеешь в виду жену? Долго ещё будешь позволять ей делать из сынишки орудие вымогательства? Не давай ей больше шантажировать тебя.

— Легко говорить! Если не буду на словах и на деле ублажать Стефани, может получиться так, что раню Лукаса. Да и себя самого. Боюсь, что она увезёт его из Нью-Йорка и вернётся в родной город.

— Не отступай. Не давай ей больше денег, она и так скоро тебя без гроша оставит. Попробуй сказать ей, что может делать что угодно: посмотрим, уедет ли. Да и что она будет делать, если уедет?

Итан молча покачал головой. Лорелей стало жаль его, и она заговорила о другом.

— Знаешь, что Джонни бросил меня в Париже, оставил там одну? – она указала на рану на голове. – Вот это я заработала, когда побежала за ним. Упала на лестнице.

— Я как раз и подумал, откуда у тебя рана.

— Килмер знал. А теперь вернёмся к разговору, который интересует меня сейчас больше всего: Джонни ушёл из дома и даже не позвонил сказать, что собирается делать или дать мне возможность всё объяснить, – она упёрла руки в боки.

– И знаешь что? Может, он объяснения и не заслуживает, и не заслуживает даже иметь ещё одну возможность, чтобы загладить то, как повёл себя.

— Тут нигде нет справедливости, и я не расположен вставать ни на твою, ни на его сторону, – Итан сжал зубы и глубоко вздохнул. – Послушай, вы мне дороги оба, и мне больно видеть, как вы мучаетесь. Джону тоже несладко, уверяю тебя. Мне очень жаль, но ничего другого сказать не могу; поговори с Джоном.

— Как я с ним поговорю, раз даже не знаю, где он?

Итан ответил не сразу: засунул руки в карманы и ходил туда-сюда нервными шажками, будто плитки на полу измеряет, пока не остановился прямо напротив и пристально глянул Лорелей в глаза.

— Джон в Лос-Анжелесе.

— Спасибо, Итан.

— Ни пуха, ни пера!

***

Дом Уолласов на Семьдесят второй улице у перекрёстка с Вест-Энд-авеню был выстроен в три этажа из красного кирпича. Лорелей даже не пришлось ехать на машине, потому как стоял дом в двухстах метрах от её дома или чуть дальше. Из конторы, прежде чем идти к родителям своего подзащитного, Лорелей зашла домой освежиться и переодеть блузку к костюму.

В доме Уолласов открыла дверь женщина и глянула на неё

почти неприязненно, Лорелей поняла, что сын не предупредил мать о приходе адвоката. Только когда Лорелей представилась и объяснила, зачем пришла, женщина улыбнулась и впустила её.

Гостиная, в которую её провели, была обставлена без прикрас, в ней веяло стариной: ни единого намёка на экстравагантность, даже в расцветке обоев или каким-либо предметом. Казалось, что всё расставлено строго по местам, порядок почти маниакальный.

Хозяйка усадила Лорелей на бархатный диван кремового цвета, вдоль спинки которого выстроился ряд подушек в тон.

— Могу я предложить вам чаю, мисс Леманн? – спросила женщина, не присаживаясь, а стоя по стойке «смирно».

Лорелей присмотрелась к ней: чёрное платье чуть ниже колена, туфли-лодочки на среднем каблуке и собранные на затылке прямые каштановые волосы. Ни капли макияжа, хотя женщина как будто собиралась выходить из дома. И спешит к тому же! Это подтверждали торопливые движения женщины.

— Нет, спасибо, госпожа Уоллас.

Лорелей услышала, как щёлкнул замок на входной двери, и шаги. Вскоре в дверях гостиной появился рослый худосочный юноша. С виду ему было лет тридцать, он походил на господу Уоллас, поэтому Лорелей догадалась, что это Майкл. Никто не сказал бы что это брат Петера, тот, должно быть, походил на отца.

Юноша повернулся к Лорелей.

— Здравствуйте, госпожа Леманн. Надеюсь, вы недолго меня ждали, – он пожал руку.

— Майкл, ты специально ничего мне не сказал? – вмешалась мать. – Что скрываешь?

Юноша поднял глаза к небу:

— Я был занят и забыл предупредить. Прекрати воображать заговоры каждый раз.

Мать испепелила его взглядом.

— Я не думал, что тебе прямо сейчас надо идти, – стал оправдываться он.

Госпожа Уоллас, кажется, не совсем ему поверила, но сын не смутился.

— Ну ладно! – хозяйка обернулась на Лорелей. – Приятно было познакомиться с адвокатом моего сына. Мне жаль, что не пришла на заседание суда, но на следующее приду обязательно. А теперь мне надо идти: у меня дела, как вы только что поняли, – сказала она и попрощалась.

Лорелей снова уселась на диван, а Майкл взял мягкой стул и сел напротив.

— Прошу прощения. У моей матери свои причуды.

— Я предпочла бы побеседовать и с госпожой Уоллас тоже, по-моему, я говорила.

Майкл скрестил руки на груди и закинул ногу на ногу:

— Маму лучше не посвящать в этот разговор.

Лорелей нахмурилась:

— А почему?

— Видите ли, она очень непреклонна в своих убеждениях, у неё ярко выраженное чувство нравственности или того, что она под этим подразумевает. Скажем откровенно: она немножко ханжа. По её мнению, Петер — бездельник, только проблемы и умеет создавать.

— В самом деле?

— Конечно, всё зависит от того, что ожидает мать от собственного сына: моя мать всегда требовала от нас слишком многого. Но должен признаться, что на этот раз Петер поистине большую *проблему* создал, непосильную для себя самого... и для нас.

— А у вас какие отношения с братом?

— Ну, в детстве Петер вёл себя так, будто это именно я лишая его материнской заботы, и в отместку щипал меня, чтобы я плачем выводил маму из себя; или втихаря выпивал молоко у меня из бутылочки с соской, которую мама совала мне в руку, когда я подросток и мог держать бутылочку сам. Случалось, когда Петер был мальчишкой, он что-нибудь разбивал и пытался свалить на меня, чтобы мать отругала.

— Все эти поступки встречаются в каждой семье: старший брат очень ревнует к младшему из боязни, что родители будут любить малыша больше, чем его.

— Да, верно, но у Петера это доходило до крайностей. Но хоть он и мытарил меня, всё же был моим кумиром. Я старался подражать ему во всём: в одежде, в стрижке, в том, как

он обходился с девчонками...

Майкл замолчал, задумался, потом тряхнул головой и улыбнулся.

— Уж он-то по части девушек был мастак: вёл себя так, что брал не только наружностью, а красота – уже козырь! Но пытаться стать таким же как брат мне не помогало. Из-за девчонок я завидовал ему и со временем затаил обиду. В школе в виде реванша я старался стать лучшим учеником в классе, одолел нежелание учиться и открыл, что мне легко удаётся получать высокие оценки, а до этого учился на троечки. Я добился своего: меня родители хвалили, а Петера принижали за посредственную успеваемость. Это ужасно, я знаю, и мне стыдно за те годы. Я давно об этом не вспоминал.

Вот так младший брат, который боготворит старшего! Сдаётся, что в мальчишеском возрасте это Майкл ревновал и завидовал Петеру, а не наоборот, подумала Лорелей, устраиваясь поудобнее на подушках. Но она не знала, к чему Майкл ведёт рассказ.

— А брат как на это реагировал?

— В этих случаях Петер предпочитал не отвечать: только так он выражал уважение к нашим старикам. Молча слушал нагоняи, но, когда мы с ним оставались одни, он злился: «Мама с папой никак не хотят понять, что я в отличие от тебя не собираюсь гнить в стенах колледжа, – говорил он. – Нравится тебе – учись, я рад за тебя. А я хочу *творить*, жить на свободе». Вот какие он высказывал идеи время от

времени после очередного разноса из-за оценок.

— Значит, он не понимал, что вы старались получать хорошие оценки только, чтобы отплатить ему.

— Нет, думаю, что нет, он никогда со мной об этом не говорил.

— Петер не захотел поступать в колледж: чем же он занимался?

— Была в нем жилка художника, и он писал картины. И не только на холсте, но и на асфальте, и на стенах многоэтажных домов. Но случается редко, что художник сразу начинает кормиться с продажи картин: мама с папой постоянно повторяли ему это, но Петеру на их увещевания было наплевать, и он ни разу не постарался что-то изменить. Говорил, что с одной стороны ему так удобнее: я нужен, чтобы направить все родительские чаяния в другую сторону, тогда Петер мог сам выбрать себе дорогу.

Если в детстве Петер и впрямь испытывал нездоровую ревность к младшему брату, это не значит, что продолжал ревновать и когда повзрослел. На этот счёт надо разузнать побольше. А пока про Петера Лорелей поняла только, что он не склонен к злобе и жестокости, которые требуются, чтобы избить до смерти женщину.

— Из того, что вы рассказали, Петер в детстве очень ревновал родителей к вам: а с годами ревность не прошла? И вас он никогда не бил? А что касается девочек, когда-нибудь случалось, что он разозлился сверх меры?

Майкл встал и прошёл в соседнюю комнату. Исчез за дверью и снова появился с бутылкой виски и парой стаканов.

— Выпьете? – спросил он. – Может, такой даме как вы было бы лучше предложить бокал шампанского...

Лорелей замаялась: она не привыкла пить крепкие напитки на пустой желудок, да в положении и позволить себе не могла.

— Да нет, пейте.

Он не заставил повторять дважды. Плеснул в стакан немного виски и отхлебнул; потом снова уселся напротив неё.

— Я знал, что дойдём до этих вопросов, – Майкл залпом опустошил стакан и снова налил – Хочу быть откровенным до конца, госпожа адвокат. Видите ли, должен признаться, что Петер был ревнивым собственником, когда речь шла о его отношениях с девушками, но единственный раз, когда оказался замешан в драке из-за девушки, так это только чтобы защитить её, а не избить. Что же до меня, мне от него досталась всего лишь пара тычков, которые я, кстати, заслужил. Надо было, чтобы кто-то преподал мне урок, но отца не было, поэтому преподал Петер.

— А что вы такого натворили?

Майкл отвёл глаза.

— Петер нашёл пакетик кокаина у меня в ящичке. Знаю, что вы подумали, нет, я не был наркоманом. Наркотик мне дал один приятель в колледже; я боялся попробовать и поло-

жил в ящик в ожидании, что наберусь духу. Я здорово рисковал: тот парень надеялся, что мне понравится колоться, и я сяду на иглу и буду покупать коку у него, вот как объяснил мне потом Петер. Брат спас меня, его стараниями пакетик исчез, родителям Петер ничего не сказал, но в тот раз не сумел удержаться от затрещин... только для моего же блага, чтобы я хорошенько усвоил.

— Тем и кончилось?

— Да, конечно. Вот почему я не хотел, чтобы мама услышала наш разговор: я не смог бы говорить так искренне. Вы маму не знаете.

— Я уже начала немного составлять себе представление.

— Вот это *немного* умножьте по меньшей мере на три.

Лорелей кивнула.

— Вернёмся к разговору о Петере.

— О нём мне больше нечего сказать. Вскоре после этого он познакомился с Линдси и ушёл жить отдельно.

— Как у них сложились отношения?

— Хорошо, насколько я знаю. Бывали размолвки, да... у кого их не бывает? Я, правда, в последние дни заметил, что он натянут, но, думаю, из-за нехватки денег.

— Вокруг Линдси крутился кто-нибудь?

Майкл поёрзал на стуле.

— Не думаю, но она была очень замкнутой, и о себе почти не рассказывала. Никогда не казалась мне из тех, что легко поддаются чувствам.

Майкл взглянул на висевшие на стене часы с маятником старинной работы, и Лорелей поняла, что пора прощаться.

Она поднялась с дивана:

— Ну хорошо, в таком случае не буду вас больше задерживать. Спасибо, что нашли минутку для меня, — она взяла сумочку и жакет и вышла из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.